

Вяч. Иванов. Статьи о К.Д. Бальмонте

О ЛИРИЗМЕ БАЛЬМОНТА*

10 Есть лирические поэты, лиризм которых не поглощает, однако, всех сил их души, не исчерпывает всего их сознания, всей творческой воли. Таков величайший из лирических поэтов христианской Европы — Данте, творец «Новой Жизни» и вместе создатель «Божественной Комедии». Таковы и величайшие поэты Германии, Гете, и России, Пушкин.

20 В противоположность этим универсальным поэтам, лиризм которых лишь один из методов их многообразного мировосприятия и только одна из психологий их сложной души, — есть иные лирики, каким был, напр., Верлен, — я назвал бы их *обреченными*, — только лирики всегда и во всем, в слове и в жизни равно. Им напрасно отречься от своего единственного и всепоглощающего назначения: за что бы они ни принимались, все обращается у них в лирику, как у сказочного царя, что жил в садах роз на берегах Пактола, — все, чего бы он ни коснулся, превращалось в золото. Под какие бы маски эти поэты ни прятались, из-под всех личин будет глядеть на нас единственное лицо. И

30 С первого выступления своего, выделяются они своеобразною манерой творчества. Эта манера — естественная, органическая форма, непосредственное выражение их своеприродного существа, непреднамеренное, самопроизвольное начертание внутреннего принципа, определяющего возникновение и рост их художественной личности. Обратить эту манеру в стиль таким лирикам редко удастся. Объективная природа того общего закона формы, который мы называем стилем, не уживается с их субъективизмом, не знающим иных норм, кроме отвержения всякой осознанной нормы. «Я не знаю мудрости, годной для других», — признается Бальмонт... Они посланы в мир, чтобы утвердить свою особенность; их единственная добродетель — самобытность, единственное падение — измена себе. Они обречены говорить только о себе, и когда думают, что говорят о вещах, каковы они суть, сами обманываются, но нас не обманывают, потому что без труда мы замечаем, что они продолжают раскрывать перед нами, под образами вещей внешних, свой собственный внутренний образ. Ибо в том особенная задача лирики, могущество и предел ее державы, чтобы, отражая мир в зеркале души, как это делает всякое искусство, в то же время показать отраженное в сочетании с его отразившей душою: во взаимоотношении и взаимодействии с ней, вражде или согласии, отчуждении или слиянии.

Совершенною можно назвать ту лирику, где сочетающиеся элементы внешней данности (элемент эпический) и внутреннего воздействия на нее личности (элемент

---

* Речь, произнесенная на торжественном заседании Нео-филологического общества, состоявшемся 11 марта, в честь 25-летней литературной деятельности К.Д. Бальмонта.

драматический) создают гармонию, не затемняющую ни одного из обоих. Менее прекрасно, менее чисто, но, быть может, более действенно такое лирическое созвучие, где преобладает элемент личный, где его активность и порою насильственность создает смешение сочетающихся цветов и окрашивает самую данность первоначального восприятия своеобразной окраской. Тем лирикам, о которых идет речь, обычно свойственна эта тираническая насильственность влюбленных восторгов. Не таков был Пушкин; эхом был он не только по всеотзывчивости, но и по безусловной верности и чистоте отдаваемых им звуков мира. Он был поэт стиля, не только освободившийся от всякой личной манеры, но и великодушно совлекающийся своего внутреннего, личного образа, всякий раз, как Аполлон потребует поэта к священной жертве. Но и Пушкин в своем всеобъемлющем составе заключал в себе индивидуалиста-лирика, понимал блаженство разлуки с разумом, испытал божественные иллюзии лирического безумия, славил лирический произвол и провозглашал: «Гордись, — поэт: и для тебя закона нет».

Так приходят обреченные лирики в мир, чтоб «видеть солнце», и не имеют нужды заботиться о том, таким ли видят то же солнце другие, пришедшие в мир, чтобы под солнцем жить. Непонятную миссию исполняют они и страшный подвиг. Долго не прощается им слишком остро ощущаемая аномалия их бытия, и проклятый поэт проклят, если верить Бодлеру, самую мать, при первом появлении своем на Божий и людской свет. Но если миссия верно выполнена и люди убедились, что перед ними не опасный колдун и не своекорыстный обманщик, когда они поняли, что певучее чудовище — Божье певучее дитя, — тогда ядовитые капли прежней ненависти тонут в море народной любви, и каждое из былых проклятий смыто тысячеустным благословением.

А для чего приходил в мир своенравный, самоуправный певец, прежде проклинаемый, потом благословляемый, о том ведают всю правду только мудрые звезды, а люди знают одно — познанием смутным, если оно живо, расчлененным и отчетливым, если оно мертво и книжно, — что с тех пор, как он пришел, еще по иному и новому глянула всем в душу многолика жизнь, и к биению мирового сердца прибавилось несколько лишних мучительных и сладостных содроганий и что, если прежде люди не любили пришлеца и, досадуя, не разумели, о чем он и к чему, и во чье пришел имя, то не любили лишь оттого, что не знала их любовь, как много у нее обителей.

Между тем любви такой лирический поэт достоин по всей справедливости, потому что, исполняя непонятную свою миссию, он свершает и страшный подвиг; но никто не в силах понять, как велико страдание того, чьи болезненные жалобы слагаются в благоуханные славословия. Бесконечная отчужденность отделяет певца хвалений, от хвалимого им мира.

Я говорю не об отношении лирика к современникам, но о глубоком трагизме гетерономности — инозаконности, или разноприродности — его сознания с миром людей. Душа его сгорает непрерывной влюбленностью, страстной до насильственности, неугасимо пылающей, как солнце, не знающей усталости и успокоения. Но напрасны попытки соприкоснуться, сообщить, слиться с любимым:

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей;

А роза милая не чувствует, не внемлет
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.

Недаром, в греческом мифе, Аполлон так часто влюбляется, а любимая, преследуемая нимфа уклоняется, убегает, или изменяет светоносному тирану. Посмотрите, какой ужас отчужденности глядит на нас из таких признаний и жалоб Бальмонта:

10 Полночь и свет знают свой час,
Полночь и свет радуют нас.
В сердце моем призрачный свет,
В сердце моем полночи нет.

Итак, тот, кто будет «петь о солнце в предсмертный час», быть может, никогда и не видел солнца, а только призрачный свет, который всечасно стоит в его душе, неподвижный, неумолимый, не дающий сомкнуться веждам неусыпно зрячего духа. Ведь он же сам уверяет нас, что в душе его ночью сияет солнце, а днем светит луна:

20 Душа моя озарена
И солнцем и луной;
Но днем в ней дышит тишина,
А ночью рдеет зной.
И странно так, и странно так,
Что солнце холодит...

И как ему отказано в темноте и в отдыхе, так ему отказано в усладе молчания:

Если ключ поет всегда: «да,-да,-да,-да,-да»,
Значит в нем молчанья нет — больше никогда.

30 Отсюда безостановочные, неиссякающие, непрерывные стихи — редкое, быть может, в своем роде единственное чудо почти жуткой непрерывности лирического творчества, — бесконечные утверждения — да, только утверждения! — бытия во всех его мимолетных искрах и радугах. И каждое из мириад этих «да» — воде и огню, ночи и дню, тишине и громам, высоте и глубине, подвигу и преступлению, любви и вражде, Богу и дьяволу, — каждое из этих бесчисленных «да» — лучистая дрожь и ослепительное сверкание огненных спиц солнечного колеса, на котором распят поэт-Иксион. «Будем, как солнце», кричит он нам с высоты своего вращающегося пламенного креста, каждый оборот которого — мука, и каждый луч — крик пригвожденного: —

Я возглас боли, я крик тоски...

Но остановиться он не хочет, ибо в нем жив ужас остановки, «horror quietis»¹: —

Если в небе света нет, значит — умер свет,
Значит — ночь бежит, бежит, заметая след.

Эту муку Иксиона знает и Ницше:

«Свет — я; когда б я был ночь! Но вот мое одиночество: я опоясан светом.

¹ Ужас покоя (лат.) — Ред.

Когда бы я темным был и ночным! Как желал бы я прильнуть к сосцам света!

Но я живу в моем собственном свете, и опять впиваю в себя пламя, вырвавшееся из меня...

Вы, темные и ночные, вы добываете себе тепло из светящего! Млеко и усладу пьете вы из вымени света.

Ночь... Громче говорят все прядающие ключи. И моя душа прядающий ключ.

Ночь... и ключом вырывается из меня желание — желание *речи*».

10 Так пел Заратустра...»

Довольно! Эти несколько намеков я не мечтаю обратить в путь, которым мы могли бы проникнуть в зачарованную и ужасную страну этой души-купины, горящей и не сгорающей. Они достаточны для того, чтобы напомнить, что истинное лирическое благозвучие есть пронзительный стон болящей груди, знобимой священным недугом.

Поистине, гениальное — патологично. Не потому, что оно нарушает нормы: разве могло бы оно творить нормы, быть нормативным, если бы оно было *только* нормальным? Патологично оно потому, что всецело обусловлено страданием, тем более мучительным, что оно по существу неизъяснимо и не сообщаемо.

20 Страдание — пафос. И эпохи жизни поэта, чье славное служение мы тем благоговейнее чтим, что не сам он произвольно его избрал, но был судьбами избран и обречен надолго непонятный ему самому подвиг, — эпохи этой жизни отмечены страдальческими кризисами. Умилительно нежный и кроткий на первых шагах своего пути, он лишь постепенно прозревает, с ужасом, глубину бездны, разделяющей его от остального мира.

В этих первых осознаниях себя самого и своего особенного рокового закона душою еще младенческой есть беспомощное отчаяние сиротливой покинутости, внезапной горькой разлуки. Поэт на краю гибели, высшие силы спасают его — и, возвращенный к жизни, он собирает в одном фокусе всю свою жизнеутверждающую солнечность... Начинается круговращение Иксиона.

30 Душа поэта опоясана светом, но как томится она, ожидая и требуя ответных, сочувственных светочей! Его жажда: «зажигать — и в то же время самому светло сверкать»... Что это? Боль или блаженный экстаз, этот изумительный, исступленный дифирамб, озаглавленный «Ликование»:

Свой мозг пронзил я солнечным лучом.

Гляжу на мир. Не помню ни о чем.

Я вижу свет и цветовой туман.

Мой дух влюблен. Он упоен. Он пьян.

Как луч горит на пальцах у меня!

Как сладко мне присутствие огня!

40 Смешалось все. Людское я забыл.

Я в мировом. Я в центре вечных сил.

Как радостно быть жарким и сверкать!

Как весело мгновения сжигать!
 Со светлыми я светом говорю.
 Я царствую. Блаженствую. Горю.

Так сообщаются огнепричастием духа узники, заключенные в своих одиночествах. И из глубины своей горячей тюрьмы поэт жадно всматривается в людские *зрачки*, как в окна чужой темницы... Напрасно!.. Но только тот, кто видел, как Бальмонт томится и тоскует смертельной тоской внутреннего отъединения, при теснейшем внешнем общении, знает, что его скорбь об отчуждении и раздельности — не отвлеченная выдумка, а сущая и разительная правда.

10 Покорный своей внутренней закономерности, он всегда только тот, кем он родился, в своей нам непостижимой тоске и в своем недостижимом для нас пиршественном счастье. Поистине, рождаются поэты! Но окружающая среда, не разумея изначальной причины, лежащей в личности, ищет истолковать ее проявления, усматривая в личных признаниях провозглашение новых, руководящих начал и покушение на переоценку упроченных ценностей. Тот, кто сказал — «я не знаю мудрости, годной для других», принимает вызов и, защищая себя, как лирическую личность, провозглашает, не по своему почину, а по чужому, косвенному наказу, почерпнутые из своего внутреннего закона утверждения, как утверждения общих истин.

20 Отсюда — проповедь безначалия и своевластия личности, индивидуализм в его самонадмении и дерзости, апофеоз башни с цветными окнами, в которую запирается от мира отшельник — эстет, только эстет — (тогда как, на самом деле, «башня» была пережита не эстетом, а лирическим поэтом), — наконец, прославление «мимолетностей» и «мгновенностей», т. е., казалось бы, распыления согласного душевного строя и целесообразного жизненного подвига на атомы самодовлеющих, ни к чему не обязывающих и никакому общему нравственному и духовному началу не подчиненных переживаний и поступков.

30 Так и говорит вынужденный проповедник. Между тем поэт переживает свои мимолетности и славит их лишь в том смысле, в каком другой и великий поэт сказал, глядя на водопад: «в многоцветных отблесках брызг я вижу подобие жизни» (Гете, во 2-ой части «Фауста»). И перечитывая ныне стихи Бальмонта, блистающие многообразием мелодий и образов, как радужные искры водопада, мы уже ясно видим, что каждая воспетая им мимолетность есть постоянный типический миг, осознаваемый самим поэтом в неразрывной связи с божественным всеединством, псалмопевцем которого в сфере видимых радуг бытия неизменно и верно был он, не устававший говорить свое «да» всему, где дышала и бушевала энергия человеческого порыва и стихийного творчества, и свое «нет» — только смерти, коснению, недвижной, застывшей коре живой жизни, мелочности, скупости, трусости духа, порабощению свободных сил и раболепию рабов.

40 «Изменчивым, но постоянным» назвал себя однажды Бальмонт, и мы видим, что он был прав. Его изменчивость была формой утверждения его постоянства, ибо постоянство чувствовал он всегда как непрерывность движения и неизменность пути того путника, что с криком «Excelsior» без усталости и страха идет и зовет на «горные вершины».

Постоянен был он в пафосе единого знания о волшебном богатстве мира и горделивой свободе человека, единой заповеди: «будь как солнце, неустанно, беззаветно гори».

Один поэт из Бальмонтых товарищей, после выхода книги «Будем, как Солнце», приветствовал того, чей «памятник прочнее меди прочной», медными звуками латинской музыки:

10 Cui palmarumque fero sacramque laurum?
 Balmonti, tibi. Nam quod incohasti
 Spirat molle melos novisque multis
 Bacchatum modulans Camena carmen
 Devinxit numeris modisque saeculum
 Sensumque edocuit vaga intimum aevi.

Я привожу эти слова, потому что они кажутся мне точными и справедливыми. Их смысл, в русском переложении соответствующим размером, — таков:

20 Пальму дам я кому и лавр священный?
 Твой, Бальмонт, этот лавр! Напев твой дышит
 Нежной жизнью. Ритмов многих силу
 В исступленную песнь вложила Муза,
 Новой звучностью мир очаровала;
 Без пути заблудившись, без дороги,
 Душу века заветную сказала.

Поистине, Бальмонту принадлежат победная пальма и дельфийский лавр, за то, что он — поэт, только поэт, всегда и во всем, и каждое дыхание его жизни — поэзия, и каждый звук его свирели — дыхание жизни; за то, что его стих, певучий и «перепевный», исполнен негой и лаской тающих, легких, как мелодический шелест тростника, внутренних созвучий и отзвуков; за то, наконец, что его безумная, блуждающая муза обрела волшебные слова восторга солнечного и буйного хмеля, сделавшие бодрими наши первые шаги за порогом нового столетия и превратившие, как луч майского солнца, родную поэзию в весенний сад, в вертоград зеленый.

30

К. Д. БАЛЬМОНТ.

I.

Сегодня литературный и ученый Петербург признательно отмечает исполнившееся двадцатипятилетие поэтической деятельности Константина Дмитриевича Бальмонта.

Двадцатипятилетие? Это кажется невероятным, потому что речь идет о нестареющем, о вечно юном певце, на которого еще вчера почти столько сердились — хоть и давно его полюбили, — а теперь уже только любят, потому что его нет, увы, в нашей среде, и он не может внезапно разгневать нас каким-либо откровенным выступлением, утверждающим один из парадоксов лирического своеначалия, безумия и беззакония. Но как хотели бы мы иметь возможность так гневаться, а не вспоминать только с тоскою и умилением того, чей голос, заживо погребенного на чужбине, доносится изредка к нам, как отрывки какого-то недопетого гимна жизни, и солнцу, и живому дерзновению живых — из глухой могилы. Ведь нам так нужно, прежде всего, восторга и жизненности, утверждения бытия и веры в пламенную библию воплощенного в человеке божественного духа, непобедимого и бессмертного. Нам так нужно солнечной силы горящего сердца в те дни, когда, мнится, оскудевает любовь и тусклая пустота ужаса перед ничтожеством и бессмыслием жестокой действительности, последнее уныние и утрата всех надежд обступили душу благороднейших, но больных маловерием среди нас!

Ведь только теперь, когда умолкли недавние гнев, мы начинаем понимать, что в лице Бальмонта имеем дело не с разрушительным началом общественности и нравственности, а с энергией, глубоко утверждающей бытие и действие, — божественный смысл вселенского, народного, личного бытия и свободного, творческого, благородно-человеческого порыва. А как долго принимали за отрицателя всех признанных ценностей того, кто будучи далек от непризнания каких-либо ценностей, полагал всю свою лирическую душу на то, чтобы все кажущееся нам не ценным, явить в великолепии ценности непреходящей. Так исполнял он определенное Фетом назначение поэта:

Этот листок, что насох и свалился,
Золотом вечным горит в песнопеньи.

Поэт, пришедший в мир, чтобы видеть солнце, просивший мудрых не проклинать его, потому что он только облачко, полное огня, — он, верный своему единственному призванию хвалить и славословить, — в бесчисленных песнях, неоскудно, неудержимо вырывающихся из тайников его несравненной по энергии «певучей силы», искал облюбовать и восславить каждое движение живой жизни, каждое биение вольного, гордого, стремительного, пламенеющего сердца, каждую мимолетную раду в мировом водопаде явлений, неотвратимо текущих в океан божественной любви.

II.

Бессознательно творчество поэта, — и в большей мере бессознательно, чем

думают трезвейшие и сознательнейшие из самих поэтов. В них действует таинственный закон органически-образующей силы, — логически неопределимая в своем существе живая форма-энергия. Поэтому справедливо мнение, что форма и содержание в поэзии неразделимы: «что внутри, то и снаружи», как говорил про живую природу Гете. По этой же причине каждый поэт знает о несоответствии или неполном соответствии первоначального замысла его воплощению, осуществившемуся в искусстве. Из чего новейшие эстетики пытались вывести понятие «трагедия творчества», разумея роковую невозможность для творческого духа найти в творении адекватное выражение драгоценнейшему составу неизречаемого внутреннего опыта: ведь еще Тютчев жаловался на ложь «изреченной мысли».

Большее доверие к действенности вселенского разума могло бы обратить для художника это трагическое чувство в свободную покорность жертвенного служения. Поистине, жертвенный отказ от своей личности и ее владения свободно совершает он, предавая лучшее, что имеет, закону жизни. Золото своих горных жил бросает он в общий сплав, в великой круговой чаше растворяет свою жемчужину любви. Он поступает тем, что знал он один, уже тогда, когда это ведомое ему одному он облекает в слово, служащее органом вселенского единомыслия. «Слова поэта суть дела его», — говорил Пушкин; но дело никогда не бывает точным отображением зародившейся воли и мысли. И притом исторические дела имеют свою судьбу и свой смысл, независимый от замысла деятелей. «Из их совокупной деятельности, — по словам Грановского, — Провидение слагает неожиданный и неведомый им вывод. Они несут ответственность только за чистоту намерений и усердие исполнения, а не за далекие последствия совершенного ими труда. Он ложится в историю, как таинственное семя. Восход, богатство и время жатвы принадлежат Богу.

Но если действие историческое ложится в народную землю, как тайный посев, то дела поэтов — слова их — быстро вырастая из темной стихии языка, встают перед их творцами, как родные и вместе чуждые, несущие в себе самих свою собственную загадку, одновременно раскрывшиеся и затаившиеся в себе цветы. Как на детей своих, родимых и все же отчужденных, смотрит на них поэт, и следит уже со стороны за их самостоятельной участью; он может быть к ним пристрастным или беспристрастным, любить и уважать их, или же ненавидеть и даже не понимать, — наконец, учиться у них. Так, несомненно, и Бальмонт учился у собственных слов.

Постепенно осознавая и обобщая то, что в этих словах было кристаллизацией самопроизвольного, бессознательного порыва, сочетая добытое таким образом общее содержание с идейным запасом переживаемого культурного момента, он выступал представителем как бы некоего мирозерцания известной системы новоутвержденных ценностей, поборником нового учения о жизни. К счастью, это живучий дух, жизненный принцип которого есть движение, не мог успокоиться на том, что столь многими было принято за лозунги «нового человека», и сам обличил несостоятельность кажущейся системы, вводя в нее элементы нравственного и метафизического сознания, с ней несовместимые, и запечатлевая действиями свою исконную разнородность с тем жизненным типом, утверждение которого по недоразумению было вычитано современниками, — и, быть может, отчасти им самим, — из его певучих слов, из его

словесной музыки.

III.

По выходе книги «Будем как солнце» Валерий Брюсов так определял значение Бальмонта: «Бальмонт, прежде всего, — новый человек. К новой поэзии он пришел не через сознательный выбор... Он просто рассказывает свою душу, но душа у него из тех, которые лишь недавно стали расцветать на нашей земле. Так в свое время было с Верленом... Для него жить — значит быть в мгновениях, отдаваться им: пусть они властно берут душу и увлекают ее в свою стремительность... Истинно то, что сказалось сейчас. Что было перед этим, уже не существует. Будущего, быть может, не будет вовсе. Подлинно лишь одно настоящее, только этот миг, только мое сейчас. Люди, соразмеряющие свои поступки со стойкими убеждениями, с планом жизни, с разными условностями, кажутся Бальмонту стоящими вне жизни, на берегу. Вольно подчиняться смене всех желаний — вот завет. Вместить в каждый миг полноту бытия — вот цель. Ради того, чтобы взглянуть лишний раз на звезду, стоит упасть в пропасть... Но чтобы отдаваться каждому мгновению, надо любить их все»...

Подлинно ли об этом пришел Бальмонт в мире петь и пророчить? Это ли его «весть миру»? В этом ли признаки его «новой души», и подлинно ли «новая» у него душа? То, что было написано девять лет назад, не смыто ли волнами дел и дней? Или, быть может, эти настроения и верования забыты, а «постоянный» Бальмонт, «цельный» Бальмонт остался все тем же? А, может быть, таким никогда и не был?

Выписанное исповедание — характерный пример лжи изреченной мысли — изреченной, а не ознаменованной символом, — и сугубой лжи малейшей систематизации непосредственных высказываний внутренне пережитого. Принимая это исповедание, по достаточным формальным основаниям приписанное Бальмонту, за его подлинное credo, мы вместе недоумеваем и глубоко протестуем. Людям всех вер оно представляется беззаконною ересью; оно кажется эстетическим нигилизмом, возведенным в учение жизни. Индивидуалист ужаснется распылению личности на атомы, изживания жизни во времени, — раздроблению целостной воли на хаотически бессвязное множество самодовлеющих «мгновенностей». Человек нравственного долга, или хотя бы только целесообразного действия, отшатнется от этого коренного отрицания ценности человеческих стремлений в самом принципе. Что это? Эпикурейство, объяснявшее мир из случайного сцепления атомов, теперь же обратившееся в атомизм психологический и провозгласившее все сущее теми призраками, о которых прежде учило, что они непрерывно отдаляются от реальных вещей, как их теневые подобия? Но если это — эпикурейство, то оно вышло из своих уединенных садов, откуда, издавека, привыкло бездейственно и безучастно любоваться явлениями жизни, как сменой то причудливо-красивых, то причудливо-грозовых облаков, и захотело переменить созерцание на переживание. Как будто Лукрециев человек, стоящий над взволнованною пучиной и наслаждающийся чувством своей безопасности на надежном берегу, при виде тонущих в море пловцов сам бросился в волны, чтобы испытать вместе с ними смертельное борение.

Но если это так, то все же такой человек разрушил какие-то чары отчуждения, все

же сопричастился жизни, все же он вместе с человечеством, хотя бы ему казалось, что любит он не человека, а только переживаемое человеком; все же не гедонист он, если им движет не закон самосохранения, а таинственный призыв саморазрушения из полноты сил и богатства восторженной, исступленной жизненности. Красота, спасающая мир, спасает, воссоединяя в целом, и его душу, потому что наполняет ее страстно влюбленностью, таящую в себе семя будущей великой любви. Эстет по Эпикуру становится эротиком по Платону; иллюзионист — реалистом, потому что любовь устремляется только к реальному, обретает его под покровами Майи, узнает свою невесту и под покрывалом.

10 В. Брюсов и развивает далее вышеприведенные положения именно в этом смысле: «Чтобы отдаваться каждому мгновению, надо любить их все. Для этого за внешностью вещей и обличий надо угадать их вечно прекрасную сущность. Если видеть кругом себя только доступное обычному людскому взору, невозможно молиться всему. Но от самого ничтожного есть переход к самому великому. Каждое событие — грань между двумя бесконечностями. Каждый предмет создан мириадами воли и стоит, как неисключимое звено, в будущей судьбе вселенной. Каждая душа — божество... Вот почему Бальмонт с таким пристрастием обращается к кругу тех чувств и переживаний, которые дает нам любовь... Любовь уже крайний предел нашего бытия и начало нового, мост из золотых звезд, по которому человек переходит к тому, что уже не человек, или
20 еще не человек, к Богу или зверю... Но любит он именно любовь, а не человека, чувство, а не женщину».

В самом деле, поэт, подобно бл. Августину («*amans amare*»), признается, что любит он только самую любовь. Но если это сердце действительно любит любить, то уже, конечно, найдет, что полюбить крепко, и самые уклоны первоначального сознания будут не срывами в пропасть, а путем по краю стремнин. Таково тайнодействие Эроса — бога Любви, «что движет солнце и другие звезды» (Данте). Так и случилось: Он, кто движет солнце, оказался верным вожаком и того поэта, который из преисподних глубин — *de profundis* — кричал нам: «будем как солнце!» потому что, как сам же в великолепном и истинном исступлении бредил в своих гимнах, мозг его пронзился
30 лучом солнечным... «И это сделала — любовь» («*Und das hat die Liebe gethan*»)..

IV.

Но все обобщения кажутся «седою теориею» перед «золотым деревом жизни», пред живым вселенским древом-Игдразилем, которое проросло сквозь сердце поэта и шелестело своей мелодической листвой в его песнях. Эти обобщения определяют сознательный круг его личности, но не затрагивают священной области того бессознательного, откуда вырывались его песни — стоны и песни-ликования.

В этой бессознательной области совершалась тайная работа: там слагались нежнейшие молитвы, горели заветные радуги, пылали адские костры, там солнечными лучами пригвождался певец к темному кресту мучительного воплощения в мире, через
40 который он должен был проходить почти как безумец. Нет ничего умильнее грустной и кроткой тишины, которой овеваны первые его творения. В них сладостные и еще робкие звуки души доверчивой и нежной, много смирения, много сумеречной

печали, что-то чистое, девственное, задушевное, новая дотоль неслыханная напевность и никаких притязаний на новое слово. Следует мучительный кризис: мимо гибели, мимо безумия поэт находит путь, — но этот путь ведет по пламеням, по горящим тернам. *Incedit per ignes*. Здесь каждый крик боли обращается в благословляющее Да бытию. Поэту кажется, что он горит, и единственный подлинный призыв, единственный завет его человеку гласит: «гори!». Горение не устает он тысячекратно прославлять, — горение, чего бы оно ни стоило, хотя бы все поджигало и разрушало. Не мимолетные услады поет он, воспевая свои «мгновенности», но тысячеликое утверждение единого начала — Гераклитова огня, который все ведет, как кормчий, и все рассудит, как судия.

10 Его «мгновенности» обращаются в ежеминутные вспышки и излучения расплавленного ядра, в какие-то солнечные протуберанцы.

Общество смешивает русского поэта с поэтами упадка и усталости, душевного пресыщения и охлаждения, и он сам подает к тому повод, играя порой, как дитя, в выписные игрушки, идолы и амулеты, цветы и яды. Между тем солнечная энергия делает свое дело, — и тому, что истинное в нем — «сочувствие дается, как нам дается благодать».

Оглядываясь ныне назад, на протекшие годы, мы видим, что это солнечное самоопределение личности, этот подъем утверждающих жизнь энергий, эта лирическая проповедь о том, что мир волшебен, а человек свободен, знаменовала наше общественное выздоровление от того состояния угнетенности, порыванья которой на вольный воздух разрешались в болезненные жалобы Надсона, а душевный маразм, как в неумолимом зеркале, отразился в бытописаниях Чехова. Цикл стихов, собранный в книге «Горящие Здания», был стаей буревестников освободительного движения.

20

V.

Солнечная энергия делала свое дело — и луга русской поэзии по весеннему зазеленели и зацвели. Четверть века цветут они новым расцветом, — как четверть века, оказывается, поет Бальмонт. Раскрылся он в своей особенности гораздо позднее, и даже первые, краткие и меланхолические звуки его лиры были расслышаны позднее

30 вспоминаемой нами даты его первого, юношеского, всеми забытого выступления. Двадцатипятилетняя годовщина, нами справляемая, есть двадцатипятилетняя годовщина новой русской поэзии, в условном смысле и по приблизительному расчету.

Эта четверть века занята разнообразными попытками русской поэзии осознать себя, как истинный символизм, не извне занесенный, но вытекающий из глубин нашей старой поэзии и народной нашей стихии. Двадцать пять лет долгих скитаний в поисках таинственной Розы, — того родного нам обличия поэзии нашей, которое золотым звеном сочетает наше одинокое художество и уединенный наш порыв с тайною святыней нашей души народной. Двадцать пять лет исканий и шатаний — будем надеяться, что не напрасно прошли они для наступающего дня. Уже много шлаков отделилось в плавильной печи времени от ценного сплава. Будем благодарны и тем зачинателям,

40 которые сами себя сознавали как «слишком ранние предтечи слишком медленной весны».

Бальмонт не принадлежал к числу этих первых действенных зачинателей: он был

уже майским солнцем воспоминаемой эпохи. Под майским солнцем раскрылись последние почки, и торжествующая земля обратилась в «зеленый вертоград».

Вячеслав Иванов

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

О лиризме Бальмонта

(С. 000)

С. 1

¹ всех сил их души, всего их сознания, всей творческой воли / всех сил души, всех сторон их сознания ◇

²⁻³ Таков величайший из лирических поэтов христианской Европы / Таков величайший, по нашему мнению, из лирических поэтов новой Европы

³⁻⁴ и вместе создатель / и вместе творец ◇

⁴⁻⁵ Германии, Гете и России, Пушкин. / Германии — Гете, России — Пушкин.

⁶ универсальным поэтам / универсалистам поэзии

⁶ лишь один / — один ◇

⁷ искусства / мировосприятия

⁷ и только одна из психологий / ^aодна из психологий ^б и только лишь одна из психологий ◇

⁷⁻⁸ их сложной души / *начато* их много<сложной> ◇

⁸ каким был, напр., Верлен — *нет*

⁹ *обреченными* / обреченными

¹⁰ и во всем, в слове и в жизни равно. / ^a и во всем, в слове и в жизни. ^б и во всем равно, в слове и в жизни. ◇

¹¹⁻¹⁵ Им напрасно отречься от своего единственного и всепоглощающего назначения: за что бы они ни принимались, все обращается у них в лирику, как у сказочного царя, что жил в садах роз на берегах Пактола, — все, чего бы он ни коснулся, превращалось в золото. Под какие бы маски эти поэты ни прятались, из-под всех личин будет глядеть на нас единственное лицо. И назначение их в том, чтобы выявить это свое единственное лицо. / Им напрасно отречься от своего единственного и всепоглощающего назначения, напрасно носить разнородные маски: из-под всех масок будет глядеть единственный [нескры<ваемый>] своеобразный лик, их задача выявить свое лицо; [они ост<аются?>] обычно они выделяются с начала своеобразной манерой; обратить эту манеру в стиль им редко удается. Объективная [стихия] природа того общего закона формы, кот<орый> мы называем стилем, не уживается с их субъективизмом. Они обречены говорить только о себе; все [видимое], что не они,

Страшен лик этого лирика-поэта, страшна и его участь.²

---

² Фраза вписана на нижнем пол первого листа и отчеркнута от текста. Незаконченная фраза со слов «Они обречены...» — написана на обороте этого листа.

ПРИМЕЧАНИЯ

О ЛИРИЗМЕ БАЛЬМОНТА

(С. 000)

Прембула Г.В. Обатнина и А. Л. Соболева, комментарий Г.В. Обатнина, подг. текста К. А. Кумпан

Печ. по: Аполлон. 1912. № 3/4. С. 36–42, со следующими исправлениями:
С. 4, строка 10: Заратустра...» вместо Заратустра... (кавычка вставлена по смыслу – конец цитаты).

Перепечатано: Записки Неофилологического Общества, при СПб. Ун-те. 1914. Вып. УП. С. 45-54.

Рукоп. источники текста:

ЧН — РГБ. Ф. 109. Карт. 5. Ед. хр. 31. Л. 1-1об., черновой набросок ранней редакции начала статьи (до незаконченной фразы: «Они обречены говорить только о себе...»).

Статья представляет собой речь, произнесенную Ивановым на торжественном заседании Неофилологического Общества 11 марта 1912 года. Идея отпраздновать 25-летие поэтической деятельности находившегося за границей К.Д. Бальмонта возникла в кругу «Интимного театра» и только что открывшегося артистического кафе «Бродячая собака». Этому был посвящен второй в его будущей долгой истории вечер 13 января 1912 г., где выступали Городецкий, Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Вас. Гиппиус, М.А. Долинов (скорее всего, бывший автором отчета об этом событии) и М.Л. Моравская. Большинство из них находились в разной степени знакомства с Ивановым, а первое изложение этого плана содержится в письме А. Н. Толстого, еще одного человека из круга его общения, к В. Брюсову уже от 3 января (см. подробнее комментарий: *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 180–181). Следующее празднование того же юбилея, организованное русскими, французскими и польскими писателями, состоялось 11/24 января в Париже в «Taverne du Nègre», см. пригласительное письмо М. Волошина к Л. Савицкой в: *Ливак Л.* Людмила Савицкая в модернистской культуре // Жила-была переводчица: Людмила Савицкая и Константин Бальмонт. М.: НЛЮ, 2020. С. 31; подробное описание вечера содержится в письме Е. Н. Поленовой к Л. Н. Веберу от 26 января, которое приводится в комментарии к письму Волошина к А. В. Гольдштейн, см.: *Волошин М.А.* Собр. соч. / Под общей ред. В. П. Купченко и А.В. Лаврова, при участии Р.П. Хрулевой. М., 2010. Т. 9. С. 694–695). Для него было написано и прочтено автором стихотворение «Четверть века», о чем сам Бальмонт позднее вспоминал в заметке «Привет Москве», полностью приведя его текст (*Бальмонт К. Д.* Привет Москве // Русское слово. 1913. 12 мая. № 109. С. 3). Позднее один из участников, Рене Гиль, сообщал Брюсову: «Vous avez dû savoir qu'il y eut ici, à Paris, un banquet à Balmont qui était sur le point de s'embarquer pour l'Océanie. Il y eut une partie Française, Russe, et Polonaise. Ce fut très cordial. La présidente du Banquet fut Mme de Holstein, — et en raison de ma collaboration — que je vous dois, mon cher ami, — aux Revues Russes, l'on me demanda de parler, le premier, et de présenter à Balmont un Salut au nom de

la Poésie Française. Gustave Kahn parla également.

Depuis, nous avons été avisés d'une Réunion de littérateurs pour fêter le 24 Mars, à Pétersbourg, Balmont. Les Poètes de notre génération, principaux, ont envoyé une Adresse pour renouveler leur sympathie à cette occasion, et chargèrent de ce soin Mme de Holstein, présidente du Banquet de Paris. J'ai appris que des Revues, *Vers et Prose*, *le Mercure [de France]*, etc... avaient aussi envoyé des adresses...» («Вы, должно быть, слышали, что здесь, в Париже, состоялся банкет в честь Бальмонта, устроенный перед самым его отплытием в Океанию. На нем присутствовали представители Франции, России и Польши. Вечер вышел очень сердечный. Председательствовала на банкете г-жа Гольштейн. По причине моего сотрудничества в русских журналах, которым я обязан Вам, дорогой друг в "Русских журналах", меня попросили выступить первым и прочесть приветствие Бальмонту от имени французской поэзии. Еще на вечере выступал Гюстав Кан. / Позднее нас уведомили о том, что 24 марта в Петербурге для чествования Бальмонта будет устроено собрание литераторов. Ведущие поэты нашего поколения послали адрес, дабы еще раз, пользуясь случаем, подтвердить свои симпатии. Отправка адреса была возложена на г-жу Гольштейн, председательствовавшую на парижском банкете. Я узнал, что журналы "Вер э проз", "Меркюр де Франс" и др. также послали адреса...» (письмо от 27 марта 1912 г., пер. Р. Дубровкина; Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915. СПб., 2005. С. 427, 429, см. также коммент. на стр. 431).

Инициатива третьего чествования зародилась почти одновременно с четвертым. Общественная деятельница, супруга известного историка и друг семьи Ивановых С.М. Ростовцева писала Ф. Сологубу 17 января 1912: «Многоуважаемый Федор Кузьмич, / группа инициаторов празднования двадцатипятилетнего юбилея литературной деятельности К. Бальмонта просит Вас принять участие в Комитете по устройству чествования. Организационное заседание состоится 19ого января в четверг в 4 часа дня у меня на квартире, куда, надеемся, Вы не откажете пожаловать» (ИРЛИ Ф. 289. Оп. 3. № 594. Л. 1). На следующий день, 18 января 1912 (датируется по почтовому штемпелю), Сологуб сообщал Иванову: «Сейчас получил письмо от С. М. Ростовцевой о собрании 19 янв. Вам, как инициатору этого дела, считаю полезным сообщить, что Анастасия Николаевна предполагает устроить вечер, посвященный произведениям Бальмонта, такой же, как в прошлом году она устраивала из моих произведений. Как Вы, м. б., припомните, тогда мы говорили, что тот вечер – один из серии вечеров из произведений поэтов нашего круга; этот, Бальмонтовский, будет вторым, и, конечно, далеко не последним. Не сказал я Вам об этом в воскресенье, хотя А. Н. уже до того дня кое-что предпринимала предварительное в этом отношении, только по краткости и минимальности нашей беседы» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 63. Л. 5 – 6). Упомянутый в письме вечер был посвящен произведениям Сологуба и состоялся 1 марта 1911 г. в концертном зале Тенишевского училища. На нем выступали Е. Аничков (вступительное слово), Е. Озаровская (декламировавшая «сказочки»), В. А. Щеголева (разыгрывавшая сцены из «Мелкого беса»), О. А. Глебова-Судейкина (исполнявшая детские песенки) и др. Программа вечера отложилась в архиве Сологуба: ИРЛИ. Ф. 289. Карт. 6. Ед. хр. 56. Л. 5–6. Еще один экземпляр: РНБ. Ф. 353. Ед. хр. 189. Л. 1. В архиве Иванова также сохранился экземпляр (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 14. Л. 24).

Организованный Чеботаревской Литературно-музыкальный вечер, посвященный произведениям К. Бальмонта (по поводу 25-летия его поэтической деятельности), состоялся 5 марта в театре «Комедия» (Моховая, 33). В программе значилось, что вечер откроет Е. Аничков со вступительным словом «Бальмонт и поэзия за последнюю четверть века», далее выступят К. Арабажин с докладом «Бальмонт и Солнце» и С. Кречетов «Из личных воспоминаний» (см.: НИОР РГБ. Ф. 386. Карт. 122. Ед. хр. 17. Л. 9, ИРЛИ Ф. ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 56. Л. 19–20; программа сохранилась и в ивановском

архиве: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 50. Ед. хр. 15. Л. 14). Но это была лишь часть всего мероприятия, состоявшего из двух отделений, где исполнялись музыкальные произведения на слова Бальмонта (Черепнина, Гречанинова), игралась сцена в постановке «доктора д'Аппертутто» (т. е. Мейерхольда), а также ряд романсов (в том числе исполненных О. А. Глебовой-Судейкиной). Неудивительно, что объявление о мероприятии, которое появилось в день его проведения, заканчивалось сообщением, что «Билеты все проданы»: *Б. п. Современное слово*. 1912. № 1495. 5 (18) марта. С. 3. Первое отделение должны были завершать «стихотворения, посвященные Бальмонту» Сологуба, Городецкого и Рукавишникова, но доподлинно известно только, что сам Сологуб прочел адресованный юбиляру цикл стихотворений, который через день опубликовал в газете «Голос земли» (см. подробнее: *Павлова М.М. К вопросу о датировке цикла Ф. Сологуба «К.Д. Бальмонту» (1912): Мистификация, инерция, закономерность? // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. Сборник статей и материалов (памяти Л.А. Иезуитовой). СПб., 2010. С. 56–67; см также: Павлова М.М. Новонайденный цикл К. Бальмонта «Триолеты – Ф.К. Сологубу» // Скрещение судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift für Fedor Poljakov. Berlin, 2019. С. 105–106). Несмотря на отсутствие имени Иванова среди организаторов и участников вечера, А.М. Ремизовым он все равно ассоциировался со знаковой датой ивановской биографии, см. письмо к Г.И. Чулкову от 2/15 марта 1912 г.: «Вечер Бальмонта будет 5-го марта на черствые именины Вячеслава Ивановича» (НИОР РГБ Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 46. Л. 16. об.). Черствые именины – следующий день после празднования памяти святого благоверного князя Вячеслава Чешского 4 марта, важной фигуры для биографии и творчества Иванова. В этот день в 1926 г. писатель произнес формулу присоединения к католической церкви, см. также стихотворение «Моление святому Вячеславу» («Князь чешский, Вячеслав, святой мой покровитель...» (1917, IV, 55), опубликованное в ст. «Духовный лик славянства» (IV, 671), в «Римском дневнике 1944 года» он назван «Мой ангел, юный Вячеслав» (III, 629). В.Э. Мейерхольду Ремизов писал 2/15 марта 1912 г.: «В субботу 4-го буду я на именинах у Вячеслава Ивановича (этот год именины не рыбы, а птицевы будут – тащите в подарок птицу). Приходите непременно. Надо мне с Вами поговорить» (РГАЛИ Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2303. Л. 29).*

Иванов фактически стал центральной фигурой в организации следующего, четвертого по счету вечера, состоявшегося 11 марта 1912 г., и придал ему более академический, нежели богемный характер. Один из хроникеров этого события, В.А. Чудовский, позднее подробно описывал стадии развития замысла:

«Еще при возникновении первых к тому намерений, в среде лиц и литературных групп (Вяч. И. Иванов, гр. А.Н. Толстой, редакция “Аполлона”), которым принадлежал почин, чествование это наметилось не как боевое выступление определенного культурного стана, но, наоборот, как общелитературный праздник. В основу было положено утверждение, что в лице таких поэтов, как Бальмонт, уже может быть признана общекультурная ценность модернизма даже представителями обратных направлений.

Прекрасный путь к проведению этого взгляда (а также и к обходу возможных правительственных препятствий к чествованию прославленного изгнанника) был найден в согласии Неофилологического Общества придать этому чествованию наименование публичного своего заседания.

Под руководством председателя этого общества, проф. Ф.А. Брауна, образовалось совещание, в котором, помимо комитета Общества, приняли ближайшее участие Вяч. Иванов, Фед. Сологуб, гр. Ал. Н. Толстой, Е.В. Аничков, С.М. Ростовцева, Ф.Д. Батюшков, Сергей Маковский, В.А. Чудовский» (*Litotes. Чествование Бальмонта // Русская художественная летопись*. 1912. № 7. С. 104).

Одной из возможных причин, почему на этот раз была выбрана площадка Неофилологического общества, могло стать то, что так и не закончивший Московский университет Бальмонт состоял его членом уже с 1899 г. Роль Иванова в продвижении концепции события также хорошо видна из письма С.К. Маковского Брюсову от 18 февраля: «Характер же предполагается – самый широкий, с представителями, по возможности, от всех лагерей, даже от... “Русского богатства”. Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники (Зелинский, Батюшков, Аничков, Блок, гр. Толстой, редакция “Аполлона”) согласились с тем, что “Бальмонту” прошла достаточная давность для объединения всех на его имени... Только сегодня выяснился день: 11 марта, днем, в зале земского собрания, на Кабинетской» (Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 395). Фигура Бальмонта подходила для компромисса, потому что поэт, неоднократно печатно заявлявший и своим поведением демонстрировавший политический радикализм, с 1906 года находился в добровольном изгнании, и это, возможно, учитывал Иванов. В «*Cor ardens*» вошло написанное 19 августа 1909 г. стихотворение «К. Бальмонту» («Не все назвал я, но одно пристрастие..», II, 352), где он сравнил его с таким же добровольным изгнанником Байроном и заключил – как и будущую свою речь 1912 года – упоминанием свежего поэтического сборника Бальмонта «Зеленый вертоград». Восприятие Бальмонта как изгнанника сформировалось у Иванова летом 1906 г. Второго июня он записывает в дневник последние новости из Парижа от посетивших «башню» двух его знакомых: «Бальмонт собирает роты своих поклонниц, играет арии ”на флейтах из человеческих костей”, пишет какую-то драму для ”театра юности и красоты”, долженствующего упразднить ”рампу наивною детскостью и сообщительностью актера”, жена его занимается жертвенным поклонением ему и страдает, когда слышит, что над ним смеются в аудитории ее соседи и т.д. Теперь, все то же — у *compris* Елена и... Он хвалит Тантала (?)» (запись от 2 июня; II, 745; «Флейты из человеческих костей: Славянская душа текущего мгновенья» называлась статья Бальмонта, вошедшая в его сб. «Белые зарницы», 1908, содержала ряд стихотворений; драма «Три расцвета: театр юности и красоты» вышла отд. изд. в 1907 г.; *жена его* – Е.А. Андреева-Бальмонт, у *compris* Елена – включая Елену, имеется в виду Е. Цветковская, возлюбленная поэта; *Тантал* – драма Иванова, вышедшая уже в 1905 г.). Однако уже в записи от 14 июня Иванов фиксирует новость, которая могла послужить причиной для смены этого ироничного отношения: «Бальмонту, говорят, отрезали обратный путь в Россию помещением в “Красном знамени” (парижском) его до крайности резких стихов» (II, 751; в журнале А.В. Амфитеатрова публикаций Бальмонта не появлялось, однако одно его стихотворение было опубликовано в сб.: Под красным знаменем. М.: [Искра], 1906. Вып. 2, то же: М.: Русский труд, 1906). Сочувствие сохранилось вплоть до момента написания стихотворения, см. запись в дневнике от 19 августа 1909 г. по получении письма от А. Р. Минцловой: «А.Р. передает мне и Кузмину привет от Бальмонта. Написал стихи, ему посвященные, для отдела „Пристрастия“. Его, изгнанника, кажется, еще никто не приветствовал стихами» (II, 792). Стихотворение, первоначально имевшее другое заглавие, спешно досылалось в уже набранный том «*Cor ardens*», см. сопроводительное письмо Иванова к М.Ф. Ликиардопуло от 20 августа 1909 г.: «Прошу Вас заключить отдел “Пристрастия” прилагаемым сонетом. Это последнее стихотворение отдела; его место – после стихов из Бодлэра» (ИМЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1), ср. запись в дневнике Иванова: «Послал в “Скорпион” стихи Бальмонта, назвав их “ULTIMA CERA”» (II, 793). Однако в окончательном составе книги название, означающее «Последняя восковая (свеча)» (*ult.*) и обыгрывающее выражение «*Ultima cena*» («Тайная вечеря», букв. «последний ужин»), отсутствует: оно перешло к заключительному элегическому дистиху в разделе «Антология Розы», где поминальный характер

заглавного образа обозначен яснее: «Сердца Избраннику дара стыдливого вестница, Роза, / Лиру под лавром певца, крест над могилой обвей» (II, 504). Возможно, изъятие заглавия связано с тем, что в июне 1910 г. А. Р. Минцлова сообщила Иванову, что Бальмонту разрешен въезд в Россию и что скоро он окажется в Москве (НИОР РГБ. 109. Карт. 31. Ед. хр. 5. Л. 49 об.).

Скрытая цель мероприятия не ускользнула от Волошина, который писал А. В. Гольдштейн 27 февраля 1912 г.: «Дорогая Александра Васильевна, 11 марта (ст. ст.) Нео-Филологическое Общество в Петербурге будет чествовать Бальмонта. Они надеются привлечь к этому торжеству Академию и Вел<икого> Кн<язя> Конст<антина> Константиновича. Все это с целью составить прецедент, который бы смог облегчить Бальмонту возврат в Россию. Было бы очень важно, чтобы было получено несколько телеграмм из-за границы от разных лиц и редакций. Не можете ли Вы помочь в этом? Ал<ександра> Ал<ексеевна> Андреева завтра вышлет Вам несколько печатных извещений. Я пишу одновременно о том же Яксу и Смирновым. В Москве его собирается чествовать Общ<ество> Любит<елей> Российск<ой> Словесности. Это все мы нашим банкетом наделали. Но теперь необходимо это поддержать, чтобы в Петерб<урге> было получено по крайней мере несколько привет<ствий>, хотя бы от тех из поэтов, которые его приветствовали. Я прошу об этом Якса, но Вы дайте ему инструкции» (*Волошин М.А. Собр. Соч. М., 2010. Т. 9. С. 693; упоминаются К.Р., сестра жены Бальмонта А.А. Андреева, журналист Я.А. Глотов и литературовед А.А. Смирнов*). 17 февраля в журнале «Нива» уже появилась неподписанная заметка «К.Д. Бальмонт», приуроченная к 25-летию его литературной деятельности (Нива. 1912. № 7. С. 143–144).

Но Брюсова Иванов пригласил на юбилей только 6 марта: «Позволь мне убедительно просить тебя приехать на здешнее чествование Бальмонта (разумею торжественное заседание “Неофилологического общества” 11 марта). Мне лично твое присутствие было бы крайне желательно и дорого, потому что, затеяв дело, я естественно желаю, чтобы его осуществление было на высоте замысла, а твое отсутствие создаст незаменимый, всеми остро ощутимый пробел. Весь наш комитет придает чрезвычайное значение твоему участию. Прибавляю, что мне *очень* хотелось бы с тобою увидеться, а в Москве этою зимой так и не удалось побывать» (Литературное наследство, Т. 85. М., 1976. С. 535). Однако через два дня, в письме от 8 марта, Брюсов отказался от участия: «Мне всей душой хотелось бы присутствовать на “празднике Бальмонта”, но окончательно это для меня невозможно. Десятки разнообразнейших дел и работ не позволяют мне выехать из Москвы — это первое. Второе то, что простое мое “присутствие” не будет иметь значения. Приготовить какую-нибудь дельную, нужную слушателям речь я не мог. Выступать же с пустыми, приветственными словами — я не хочу. В конце концов мне приходится удовлетвориться присланной телеграммой» (Там же. С. 535). Публика узнала о брюсовском отказе только на самом мероприятии, см. описание ее реакции в письме К.И. Чуковского к поэту от 16 марта 1912 г.: «Как Ниагара, устремилась по лестницам к выходу публика, когда в Неофилологическом О<бщест>ве председатель заявил, что Вы не приехали» (*Чуковский К. И. Собрание сочинений. Т. 14. Письма. 1903–1925. Вступительная статья Е. Ивановой. Составление Е. Ивановой, Л. Спиридоновой и Е. Чуковской. Общая редакция, подготовка текста и комментариев Е. Ивановой и К. Чуковской. М., 2013. С. 287*). См. также в письме А. Кондратьева к Брюсову от 19 марта 1912 г.: «Неделю и более тому назад я дважды очень был огорчен Вашим отсутствием на вечернем и дневном чествовании двадцатипятилетия литературной деятельности Бальмонта. Причина огорчения исключительно та, что мне не удалось Вас видеть и слышать. В Неофилологическое Общество я пошел только потому, что Ваше имя стояло на программе. Я от души негодовал на курсисток, шептавших сзади меня: “Ах, какая жалость, нет ни Брюсова, ни Блока” ... Впрочем, то

были барышни, тяготевшие и к Вячеславу Иванову... Я даже, наконец, во сне увидел себя поджидающим Вас на какой-то лестнице и, наконец, и нашу встречу» (Литературный факт. 2019. № 1. С. 162 (публ. Н. А. Богомолова и др.)).

Блок был приглашен Ивановым еще до первого организационного собрания, см. запись в его дневнике 16 января 1912 г.: «Письмо от Вячеслава с предложением чествовать Бальмонта» (*Блок А. А. Собр. Соч. Т. VII. М.; Л., 1963. С. 124*) и в ответном письме даже предложил тему: «К чествованию Бальмонта, с самым именем которого у меня с давних пор соединяется чувство весны и запаха черемухи, присоединяюсь всей душой. Если предполагается литературный вечер, я мог бы произнести маленькую речь, например, на тему: “Бальмонт и польская душа”. Эта сторона Бальмонта была для меня всегда одной из особенно близких» (письмо от 16 января; *Белькинд Е. Л. Блок и Вячеслав Иванов // Блоковский сборник II. Тарту, 1972. С. 378; ср. позднейшее замечание Иванова: «<...> Бальмонт — поляк, а я вообще поляков недолюбливаю»; Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., <1995>. С. 32; см. апологию польского языка и поэзии эпохи эмиграции в ст. Бальмонта «Флейты из человеческих костей», а также объяснение самого Бальмонта из письма к В. В. Обольянинову от 18 сентября 1937 г.: «Отвечаю посылно на затруднительные для меня вопросы. Отец мой произносил нашу фамилию – Бальмонт, я стал произносить, из-за каприза одной женщины, – Бальмóнт. Правильно, думаю, первое. Тем более, что это – фамилия литовская. Дед мой звался – Бальмут»; *Куприяновский П. В., Молчанова Н.А. К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж, 2004. С. 183, итоговое обсуждение темы: Азадовский К.М. Фамилия с двумя ударениями // Азадовский К.М. Серебряный век: Имена и события. СПб., 2015. С. 316–321*). Из дневниковой записи Блока от 5 марта мы узнаем о причинах дальнейшего отказа: «11 марта в заседании “старичков”, чествующих Бальмонта, где упоминается мое имя, не буду участвовать: нездоров все еще; не нужно никому; противно профессорё; устраивается “по приглашению” и т. д., т. е. — ни для кого, для никого» (*Блок А. А. Собр. Соч. Т. VII. С. 131*)).*

Кроме переговоров с будущими участниками, Иванов координировал и порядок выступлений. Один из выступавших, Ф. Н. Батюшков, сообщил ему в письме от 24 февраля 1912 г.:

«Многоуважаемый Вячеслав Иванович,

К вчерашнему разговору о Бальмонте: если Е. В. Аничков переносит на другой вечер общую характеристику поэзии Бальмонта и ограничится на чествовании специальной темой о переводах с английского, то действительно и внутренний голос мне велит сказать несколько больше об общем значении поэзии Бальмонта.

Я обдумал свою речь, но если немного раздвинуть рамки, то это будет минут на 20. Как Вы полагаете – не будет ли это длинно? Пишу всю речь, чтобы точно вычислить. Ведь надо указать и на упадок поэзии в стихах в последних десятилетиях минувшего века, чтобы оттенить заслуги Бальмонта в возрождении настоящей «поэтической» поэзии в стихах. Надо указать преимущества и недостатки занятого им положения партийного <sic!> писателя. Надо напомнить, что символизм вечен, как и реализм, представляясь лишь особой формой поэтического мышления. Надо ответить на упреки, отчасти снять их, в антисоциальном характере поэзии Бальмонта и восстановить ее подлинное содержание в многообразии проявлений личности поэта. Наконец, надо свести итоги и закончить характеристику указанием на «многоликость» поэта и все же его цельность, на преобладающие мотивы его поэзии. Меньше чем в 20 минут не управлюсь. Считаю долгом предупредить» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 13. Л. 1–2).

Вечер, как и предполагалось, состоялся в воскресенье 11 марта 1912 г. как

торжественное заседание Неофилологического Общества при С.-Петербургском Университете в зале Земской управы на Кабинетской улице (ныне ул. Правды), д. 18, и стал заметным событием в литературной и общественной жизни. Публика была предупреждена о грядущем событии объявлением в «Речи», где сообщалось, что «вход бесплатный по особым приглашениям» (именно это возмутило Блока, см. выше) и были перечислены будущие выступавшие, в том числе Брюсов с речью «Творчество Бальмонта» и сам Блок (Речь. 1912. 5 марта. № 63. С. 5; об участии Блока сообщалось также в: Современное слово. 1912. 5(18) марта. 1495. С. 3–4). Именно об этой заметке Бальмонт писал Брюсову из Австралии 2 мая 1912 г.: «Прочел в “Речи” программу “Чествования Бальмонта”, и порадовался, увидев твое имя» (Переписка с К. Д. Бальмонтом 1894—1918 / Вступит. статья и подгот. текстов А. А. Нинова. Комментарии А. А. Нинова и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. I. М.: Наука, 1991. С. 232). В день чествования Иванов опубликовал поздравительную речь под названием «К. Бальмонт» (Речь. 1912. № 69. 11 марта. С. 3, см. с. 000 наст. изд.), а появившуюся 11 марта в «Утре России» рецензию на сб. Бальмонта «Зарево зорь» Волошин закончил фразой: «В настоящую минуту, когда мы празднуем “25-летие его литературной деятельности”, он плывет где-то по границам Индийского и Южно-ледовитого океана из Южной Африки в Тасманию, он ничего не знает о том, что Россия чествует его сегодня, а пакет с газетными вырезками догонит его не раньше, чем через полгода на каком-нибудь из океанских архипелагов» (*Волошин М. А.* Собрание сочинений. М., 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 470). Будущий известный православный богослов и историк русской философии Г.П. Федотов писал Т.Ю. Дмитриевой 11 марта 1912 г.: «Я хотя и должен заниматься, но книг еще нет, и пойду на чествование Бальмонта в неофилолог<ическое> общество» (*Федотов Г. П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 12. Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М., 2008. С. 182).

Свой отчет о событии Иванов подготовил для лондонского журнала «Русское обозрение», где он составил основную часть его заметки «Литературная хроника»: «Constantine Balmont.

A few words on current poetry and on a significant anniversary. On March 24, men of letters and learning in St. Petersburg marked with a very unanimous and hearty homage the completion of twenty-five years of the literary career of the poet Constantine Balmont. The New Philological Society at St. Petersburg University held a special sitting with eminent writers and artists, to celebrate this jubilee. The enforced absence of exile of the poet who was being honoured gave the meeting a particularly affecting and sympathetic character. Not one of the speeches or messages of welcome even hinted at politics; but both the speeches and the messages, and also all the references in the Press were full of one feeling; every one missed the absent poet, and every one was anxious for his return to his own country. This peaceful demonstration was an appeal of public opinion to the magnanimity of the sovereign power. Balmont was not made for a politician; his offence was the writing of some poetical invectives recalling the iambic of Archilochus and their bitterness, but not in beauty of form: his political verses are the worst of the writings of this ardent and sympathetic lyrist. If we had more artistic value, they might have been more formidable. As it is, their only effect has been to bar the poet's return to his country, and keep him the prisoner of a foreign atmosphere in which he pines and withers. There was seldom an occasion when a simple personal amnesty would be more suitable, more natural, or more popular. The President of the Society, Professor Braun, in opening the meeting said that the poet was just now printing his “Cape of Good Hope”; “Sit nomen omen” he added. Balmont was honoured by the whole of literary and artistic Russia, by a number of learned societies including one of the Universities, by Polish writers who expressed their sympathy for the “interpreter of the Slavonic world” and by many foreign poets, such as

Verhaegen.

The new Philological Society was the proper body to take upon itself the honourable initiative in this celebration; Balmont has rendered great services to the study of Western literatures. His favourite ones are the Spanish and the English. An able critic of Spanish literature, Professor Petrov, spoke of Balmont's importance as translator of the dramas of Calderon, and as the man who has acquainted the Russian public with the old Spanish theatre which has continued to hold the interest of Russian readers and playgoers. Professor Anichkov, author of the standard work on *Spring ceremonial songs*, the conclusions of which he summarized in his lectures at Oxford, spoke of Balmont attitude towards the English spirit. It was Balmont who, by his works translations, first acquainted the Russian public with Marlow's works of genius. He gave us in translation all the works of Shelley, and was also our poetical interpreter of Edgar Poe.

But Balmont is, of course, chiefly important as the man who did most to produce a new outburst and brilliant florescence of poetry in Russia. The effect of his work on our literature but at the same time a historical symptom of the awakening of a new and more vigorous mood. The tales of Chekhov reflect like a mirror the heavy clouds over preceding period. The verses of Nadson, which became extremely popular, show how this despondency could lend a certain fascination to lyric poetry given up to hopeless sighs and impotent, colourless, indefinite appeals for civic energy. To cure this anæmia there was needed a strong dose of healthy individualism, of an energetic assertion of life, of lyric rapture declaring that the world is not flat and bare and grey, but full of colour and charm, and that man is free. It was Balmont who could cry from the depth "we will be as the sun", and could give his contemporaries for their one motto the words "let there be light". He could do this because few poets could equal the unrelaxed tension of his lyric energy. His inspiration is inexhaustible. The scope and volume of his content the feeling is enormous: -

«Monte deccurens velut amnis, imbres
Quem super notas aluere ripas,
Fervet...»

Of a lyric of this type one cannot ask irreproachable perfection, the last degree of artistic faultlessness; but he brought to the structure of Russian verse a boundless wealth of rhythmic forms, turns off a new delicacy, of a sort of instrumentalization of words, of internal harmonies. His ethereal stanzas are as melodious as the harp of Ariel or the rustling of reeds; and sometimes they seem like the weaving together of tongues of flaming fire. Yet everything that he says is transparent, real and from the heart. His work has the power of all that is subjective – feeling, melody, the vision present to the soul, intuitive insight sealed up in the symbol of a moment; but there is none of the strength of what is essentially objective, for instance, language and style. His lyric devotion to "Moments", each of which had to include the whole range of a single experience, and each of which was beautiful simply by its wholeness – this faith in suggestions, complete in themselves, and in the refusal of all forms, at first frightened one. But now we see – for the history of his soul is now open for us all – that for every "moment" that is met there was some glorifying assertion of life. In the days that we live in, when pessimistic despair brings on the young an epidemic of suicide, when the very faculty of enthusiasm, the very faith in the meaning of life runs short, Balmont's lyric poetry comes as a new element of health. His cult of the lyrical moment was the flashing out on many sides of a single principle, individuality of character, – only as we might speak of the flashing out of the stream on the sprays of the waterfall. All the sprays that flash by gather into one mighty stream, which, roaring and sparkling with its iridescence of the moment, joyously flows in triumph into the ocean of world-wide love» (Literary Chronicle by Vyacheslav Ivanov // The Russian Review. 1912. Vol. 1. № 2. P. 145–148; иная дата события объясняется разницей календарей).

Перевод:

«Константин Бальмонт.

Несколько слов о современной поэзии и о значительном юбилее. 24 марта в Санкт-Петербурге литераторы и ученые с поистине единодушным и искренним почтением отметили двадцатипятилетие литературной деятельности поэта Константина Бальмонта. Неофилологическое общество Санкт-петербургского университета устроило специальное заседание с участием видных писателей и представителей художественного мира, чтобы отметить этот юбилей. Вынужденное отсутствие на чествовании находящегося в изгнании поэта придало собранию особенно волнующий и дружественный характер. Ни одна из речей, ни одно из приветственных обращений не содержали даже намек на политику; однако и речи, и обращения, как и все упоминания в прессе, были полны одним чувством; каждый ощущал отсутствие поэта, каждый страстно желал его возвращения собственную страну. Эта мирная демонстрация была призывом общественного мнения к великодушию верховной власти. Бальмонт не создан быть политиком; вина его заключалась в написании нескольких поэтических инвектив, напоминающих ямбы Архилоха своей горечью, но не красотой формы: политические стихи – худшее из произведений этого страстного и искреннего лирика. Если бы эти произведения имели более поэтической ценности, они могли бы быть более грозными. Как бы то ни было, их единственным результатом стало препятствие для возвращения поэта на родину, плен чужбины, в которой он чахнет и угасает. Это тот редкий случай, когда простая личная амнистия была бы более уместной, более естественной, более популярной. Открывая заседание, президент Общества проф. Браун, сказал, что сейчас поэт публикует «Мыс Доброй Надежды»; «Sit nonen omen», добавил он. Бальмонта чествовала вся литературная и художественная Россия, множество учёных обществ, включая университетские, польские писатели, выразившие свою симпатию «переводчику славянского мира», и многие иностранные поэты, такие как Верхарн.

Неофилологическое общество явилось подобающей организацией для принятия на себя почетной инициативы этого празднования; Бальмонт внес большой вклад в изучение западных литератур. Его любимые литературы – испанская и английская. Талантливый исследователь испанской литературы проф. Петров сказал о значении Бальмонта как переводчика драм Кальдерона, как человека, познакомившего русскую публику со старым испанским театром, продолжающим удерживать интерес русских читателей и театралов. Проф. Аничков, автор образцового труда, «Весенняя обрядовая песня», выводы которого он суммировал в своих лекциях в Оксфорде, говорил об отношении Бальмонта к английскому духу. Именно Бальмонт своими переводами впервые познакомил русскую публику с гениальными произведениями Марло. Он дал нам переводы всех творений Шелли и был нашим поэтическим истолкователем Эдгара По.

Но, разумеется, значение Бальмонта прежде всего в том, что он более всех сделал для нового взрыва и блестящего расцвета поэзии в России. Воздействие его деятельности на нашу литературу явилось в то же время историческим симптомом пробуждения нового, более энергического настроения. В рассказах Чехова, как в зеркале, отражаются тяжёлые тучи предшествующего периода. Стихи Надсона, бывшие чрезвычайно популярными, показывают, как это уныние могло придавать определённое очарование лирической поэзии, уступившей безнадежным вздохом и бессильным, бесцветным, бесконечным призывам к гражданственности. Чтобы вылечить эту анемию, нужна была сильная доза здорового индивидуализма, энергичного жизнеутверждения, лирического восторга, заявляющего, что мир не скучен скуден и сер, но полон света и очарования, а человек – свободен. Именно Бальмонт мог воскликнуть из глубин «будем как солнце», мог дать своим современникам в качестве девиза слова «да будет свет». Это удалось ему

потому, что лишь немногие поэты могли сравниться с неослабевающим напряжением его лирической силы. Его вдохновение неисчерпаемо. Масштаб и полнота содержания чувства огромны:

«Monte deccurens velut amnis, imbres
 Quem super notas aluere ripas,
 Fervet...»

От лирика этого типа нельзя требовать безупречного совершенства, последней степени художественной безошибочности; однако он внес в строй русского стиха безграничное богатство ритмических форм, обороты новой утонченной, особой словесной инструментовки, внутренних созвучий. Его эфирные строфы мелодичны, как арфа Ариэля или шелест тростника, иногда они кажутся переплетающимися языками пламенеющего огня. Тем не менее все, что он говорит, прозрачно, подлинно и искренно. Его творчество обладает силою всего субъективного – чувства, мелодии, видения, представшего душе интуитивного проникновения, запечатленного в символе мгновения; однако в нём нет мощи того, что по сути своей является объективным, например, языка и стиля. Его лирическая привязанность к «Мгновенностям», каждая из которых должна включать всю полноту единичного переживания, каждая из которых прекрасна просто своей целостностью – эта вера в самодовлеющие недосказанности, а также отказ от любой формы поначалу пугали. Но сейчас мы видим – так как история этой души теперь открыта для всех нас – что каждая «мгновенность», пережитая ею, была прославляющим жизнеутверждением. В наше время, когда пессимистическое отчаяние навлекло на молодёжь эпидемию самоубийств, когда сам дар энтузиастичности, сама вера в смысл жизни иссякает, лирическая поэзия Бальмонта вновь становится здоровой стихией. Его культ лирического мгновения заключался в распылении на многие грани единого принципа, индивидуализации характера – в том только смысле, в каком мы могли бы сказать о распылении потока на брызги водопада. Все брызги, будучи отдельными друг от друга, собираются в один могучий поток, который, грохоча и искрясь радужностью мгновения, радостно и торжествуя течёт в океан всемирной любви» (*перевод А. Б. Блюмбаума*). ...ямбы *Архилоха* — греческий поэт VII в. до н.э., вместе с Симонидом и Гиппонактом является представителем ранних ямбографов; «*Мыс Доброй Надежды*» — сочинения с таким названием у Бальмонта не обнаружено (отсутствует в кн.: Библиография К. Д. Бальмонта / Под общей ред. С. Н. Тяпкина. Иваново, 2006. Т. I), но весной 1912 г. поэт находился в кругосветном путешествии; «*Sit nome open*» — здесь: «пусть это название будет предзнаменованием», *лат.*; *Проф. Аничков, автор образцового труда, «Весенняя обрядовая песня», выводы которого он суммировал в своих лекциях в Оксфорде* — имеется в виду диссертация Е.А. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (СПб., 1903–1905. Ч. 1–2), о посещении ученым Британии Иванов упоминал и в своей статье о нем: *Новый энциклопедический словарь*. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. [1911]. Т. 2. С. 871; *арфа Ариэля* — имеется в виду «дух воздуха» Ариэль, персонаж драмы У. Шекспира «Буря» (1611), который не раз поет и играет, но на тамбурине и свирели; «*Monte deccurens...*» — цитата из оды Горация, *Carm. IV, II, 5–7*, обращенной к поэту Гаю Юллу, сыну Марка Антония, и ее продолжение содержит прославление стиля Пиндара: «Горным потоком, который дождями / Из берегов всех повynesло снова, / Бурно вскипает бездонно-глубоко / Пиндара слово», пер. А. А. Фета; *эпидемию самоубийств* — этому предмету, живо интересовавшему Иванова, была той же весной посвящена анкета «Биржевых ведомостей», ивановский ответ опубликован: *Биржевые ведомости*. 1912. 30 апреля / 18 мая. № 12913. веч. вып. С. 4; а также: *Новое слово*. 1912. № 6. С. 7–8).

Несмотря на обилие других газетных и журнальных откликов, наиболее полное

изложение событий вечера можно узнать из протокола, опубликованного через два года в «Записках Неофилологического общества». Открывала заседание речь Ф. Брауна, который приветствовал юбиляра как переводчика и определил его как неоромантика, потом выступал Ф. Батюшков с речью «О поэзии Бальмонта», затем Е.В. Аничков (принимавший участие и в вечере 5 марта) прочел доклад «Бальмонт и английская поэзия», Д.К. Петров говорил о «Бальмонте и его переводах с испанского» и завершала первую часть речь Иванова «Лиризм Бальмонта» (скромно умолчав об этом в заметке для английского журнала, Иванов завершил ее тем же сравнением, каким заканчивается его печатный текст).

Все тексты выступавших были опубликованы в том же выпуске «Записок», дополненные работой приват-доцента К.Ф. Тиандера, специалиста по русско-скандинавским литературным связям, под названием «Бальмонт – викинг». Аничков вместо своего доклада дал для публикации статью под названием «Бальмонт и “новые веяния”». В концептуальном отношении она отчасти легла в основу его позднейшей статьи «К.Д. Бальмонт» для венгерской «Истории русской литературы XX века», которая начиналась с упоминания юбилея: «Когда в марте 1912 г. в Петербурге праздновали двадцатипятилетие поэтической деятельности Бальмонта и стали в особой комиссии, куда входили и профессора, и критики, и поэты, обсуждать, что, собственно, он сделал, с какой-то поразительной ясностью обнаружилась значительность творчества этого вечно живого и вечно юного поэта» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 2000. С. 74).

После речей стихи юбиляра читали актеры Александринского театра Н.К. Тхоржевская и Н.Н. Ходотов, а завершилось все оглашением 68-ми приветствий и поздравительных телеграмм от редакций журналов, писательских и художественных организаций и кружков, а также от частных лиц, среди которых были и Брюсов с Блоком, и участники парижского чествования Р. Гиль, П. Фор, А. Гольдштейн, Б. Лесьмян и Волошин (Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском Университете. СПб., 1914. Вып. VII. С. 56–60; изложение событий вечера см. также: *Куприяновский П. В., Молчанова Н.А.* Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 271–273). От лица Общества ревнителей художественного слова выступал Н.В. Недоброво (см. публикацию черновика его выступления: *Обатнин Г.В.* Спин-офф одного комментария: речь Н.В. Недоброво // *Slavica Revalensia*. 2023. Vol. X. С. 37–47). Не смог присутствовать на чествовании Бальмонта и Ю.Н. Верховский, приславший поздравительную телеграмму (номер 59 в списке), о которой вопрошал в послании к В. К. Шварсалон, и которую на чествовании, видимо, огласил Иванов: «<...> Меня / Он вспомнил ли на празднике Бальмонта? / Мне очень грустно было не слышать / Речей его и Блока. Телеграмму / Тенденциозную мою читали ль?» (см.: *lucas_v_leyden* <*Соболев А. Л.*> К истории дружеских посланий Вяч. Иванова и Ю. Верховского: +1 (окончание) // <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/97994.html>). В полном соответствии с замыслом мероприятия юбиляра приветствовали не только деятели модернистской культуры. Так, за номером 16 в списке числится И.М. Розенфельд, редактор-издатель журнала «Новая жизнь», в котором была помещена статья его супруги и внучки П.Л. Лаврова О.Э. Негрескул (по первому мужу Котылевой), писавшей под своим обычным, позаимствованным у деда псевдонимом О. Миртов. В статье под названием «Бальмонт. 25 лет творчества» (Новая жизнь. 1912. № 3. Март. Стб. 139–146) автор признавался, что не знакома лично с юбиляром и даже никогда не видела его фотокарточки.

Речь Иванова произвела впечатление на аудиторию, см. описание вызванных ею эмоций в письме неустановленной корреспондентки за подписью O.S., посланное 31 марта 1912 из Парижа на адрес «Речи» и пересланное Иванову: «Потребность написать

Вам так велика, что я не имею сил отказать себе в этом. Ваши слова на юбилее Бальмонта так глубоко запали мне в душу, мне очень хотелось бы узнать Вас, так жаль, что сейчас я не в России, возможно, Вы не отказали бы мне увидеть Вас. Если будет скучно, напишите мне, вспомните об русской женщине, которая мечтает об <sic> Вас. Из Парижа я уезжаю в Биарриц через неделю, пробуду там месяц, и вероятно вернусь в Россию. Я жду Вашего слова, и Вы напишите» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 2 Л. 1–1 об.). По свидетельству автора анонимной хроники в разделе «Смесь», «В.И. Иванов произнес весьма длинную, но горячо принятую аудиторией речь о лиризме Бальмонта» (Исторический вестник. 1912. Апрель. С. 338).

Историк литературы и преподаватель ряда учебных заведений Петербурга К.И. Арабажин (присутствовавший и, возможно, принимавший участие в вечере 5 марта) опубликовал в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» отчет о мероприятии, который начал фразой: «Юбилей в отсутствие юбиляра – явление “истинно-русское”». Ивановское выступление он охарактеризовал кратко, но, по крайней мере, дослушал до конца: «Вячеслав Иванов в чеканной речи, своим ярко-индивидуальным стилем, полным своеобразной красоты, охарактеризовал Бальмонта как лирика, который, подобно Верлену, был как бы обреченным, всегда и во всем оставаясь только лириком, все превращая в лирику, как некий царевич сказки, все превращавший в чистое золото.

Всегда говорит он только о себе, о своих внутренних переживаниях внешнего мира – обнаруживая этим и “могущество, и ограниченность своей державы”. Творчество Бальмонта – весенний сад, вертоград зеленый...

Давно исчезла вражда и непонимание, и ныне имя Бальмонта покрыто “тысячеустыми благословениями”.

После блестящего и вдумчивого реферата г. Иванова читались телеграммы и приветствия <...>» (–s <К.И. Арабажин>. Чествование К.Д. Бальмонта // Биржевые ведомости. 1912. № 12832. 11 марта. С. 4).

Журналист С.Л. Поляков под своим привычным псевдонимом С. Литовцев подробный рассказ о вечере под названием «Праздник молодой русской поэзии (Юбилейные торжества в честь К.Д. Бальмонта)» опубликовал дважды. Начало выступления Иванова он запомнил лучше, чем конец, но ивановское сравнение Бальмонта с царем Мидасом произвело впечатление и на него: «Последним говорил известный поэт и друг Бальмонта Вячеслав Иванов. Совершенно невозможно на основании простой записи передать эту речь, блестящую тончайшими нюансами и особенностями поэтического стиля этого поэта.

Есть лирические поэты, лиризм которых не поглощает всех сил их души, не исчерпывает всей их творческой воли. Такими лириками были Данте, Гете, Пушкин. Лиризм у них – одна из психологий их сложной души. Но есть другие лирики (Верлен), которых можно назвать обреченными лиризму – в слове и жизни равно. Все, чего бы они ни коснулись, обращается в лиризм, как у сказочного царя все превращается в золото.

Единственная добродетель этих поэтов — быть верными себе, проявлять и утверждать свою особенность.

“Я не знаю мудрости, годной для других”, — пел Бальмонт. И в этой роковой субъективности — трагедия этих людей. Толпа не узнает их. И только потом, позже, убедившись, что это “певучее чудовище” не своекорыстный обманщик, не опасный колдун, — дает ему свою любовь.

И этой любви достойны певцы типа Бальмонта. Ибо никто не знает, как велики страдания их душ, как глубоко трагична их отчужденность от людей. В их певучести — стоны, в их ликованиях — муки тоски. Таков и Бальмонт» (Речь. 1912. 12 (25) марта. № 70. С. 3; Современное слово. 1912. 12(25) марта. № 1502. С. 3).

Издатель еженедельника «Против течения» Фома Райлян был в числе тех, чье приветствие было зачитано на вечере (в списке оно числится под номером 21). В отчете, появившемся в его газете, речь Иванова изложена в тех же пределах, что и у Полякова-Литовцева, то есть приблизительно на треть: «Так как В.Я. Брюсов и А.А. Блок не выступили, то речь Вячеслава Иванова “Лиризм Бальмонта” была последней. Данте, Гете, Пушкин — эти величайшие гении — были лириками, но их лиризм “одна из психологий их сложной души”, они были универсальными поэтами, их лиризм не поглощал всей их творческой воли. Были и другие лирики, как Верлен, — “обреченные” лирики, “в слове и в жизни”, в том и в другом они было “одно лицо”. Стиль не уживается с их субъективностью. Таким был и Бальмонт — поэт тиранической влюбленности, индивидуалист-лирик (в противоположность Пушкину, которого Иванов назвал “эхом звуков мира”).

“Тот, кто будет петь солнце в предсмертный час, тот видит призрачный свет”. Бальмонт — чудо по непрерывности лирического творчества. Его жажда: “зажигать” и самому “сверкать”. Толпа не сразу признает субъективных лириков и только потом убеждается, что “певучее чудовище не своекорыстный обманщик”, не опасный колдун, и начинает любить» (*Е.П. <Е. П. Придворов?>* Юбилейное торжество в честь К.Д. Бальмонта // *Против течения*. 1912. № 25 (19). С. 3–4).

Вечер вспомнился В.Ф. Ходасевичу, который, приветствуя в 1913 г. возвращение амнистированного поэта, писал: «Года два тому назад, в Петербурге, в отсутствие виновника торжества, был отпразднован двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности Бальмонта. Не только поэты, но и ученые, академики и профессора читали доклады о значении его в жизни отечественной поэзии и русского языка» (*Ходасевич В. Собрание сочинений в восьми томах. / <Составление, подгот. текста, комментарии Дж. Малмстада, Р. Хьюза>. Т. 2. Критика и публицистика. 1905–1927. М., 2010. С. 110).*

Подробное описание вечера оставил в своих мемуарах А. Дейч:

«11 марта 1912 года Неофилологическое общество при Петербургском университете отмечало 25-летие литературной деятельности К.Д. Бальмонта. Ученые и поэты собрались в зале Губернской управы, в небольшом, но нарядном помещении, чтобы отметить эту дату.

Получив в Киеве приглашение на чествование, я был польщен вниманием, оказанным мне, начинающему литератору». Далее, после описания публики и речей Брауна, Батюшкова и Аничкова, мемуарист перешел к Иванову. «С нетерпением я ожидал, когда выступит Вячеслав Иванов. Я знал его сложные, усыпанные славянизмами стихи, многозначные по мысли, проникнутые духом античности, знал его статьи, особенно “Эллинскую религию страдающего бога”, где вскрывалась философия древнегреческой религии. <...> Вот появился на кафедре поэт в длинном черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, несколько медлительный и степенный. Потом, начав говорить, стал совсем другим. Чувствовался скрытый темперамент во всех движениях оратора, когда он складывал руки, словно для молитвы, или теребил шнуры пенсне. Почти до плеч длинные волосы придавали ему вид немецкого профессора. Его тема “О лиризме Бальмонта”.

Вячеслав Иванов говорил большими периодами, спокойно интонируя фразу, но уловить смысл его отношения к лиризму Бальмонта было не так просто. Многие в его речи казалось вычурным, надуманным, даже в ту пору, когда изысканный, насыщенный символами язык был свойствен поэзии. Тем не менее основная мысль Вяч. Иванова была понятна: Бальмонт — поэт-индивидуалист, славящий мимолетность жизненных ощущений, субъективно, только для себя воспринимающий мир: “...я не знаю мудрости, годной для других”.

В этом субъективизме Бальмонта Вяч. Иванов усматривал силу его лиризма, вечного движения творческого потока. Пользуясь образом Гёте, докладчик сравнил лирику Бальмонта с разноцветными брызгами низвергающегося с кручи водопада: “в многоцветных отблесках брызг я вижу подобие жизни” (“Фауст” Гёте)». Прервем цитату, чтобы отметить, что память мемуариста, в отличие от хроникеров, сохранила как будто гораздо больший отрезок из выступления Иванова. Видимо, при написании своего текста Дейч пользовался публикацией статьи, так как далее он приводит полностью текст латинского стихотворения Иванова, а также и его перевод: «Пожалуй, эффектнее всего прозвучал конец выступления мэтра символистов, когда он в звенящих латинской медью стихах приветствовал юбиляра <...>» и т.д. (Дейч А. День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. М., 1985. С. 306–308). Дополнительно в этом убеждает то, что название речи Иванова мемуарист приводит именно в печатном варианте.

Запись в дневнике Ф.Ф. Фидлера на следующий день после чествования сфокусирована на описании поведения на вечере поэтессы Н. Грушко, незадолго до этого выпустившей первый сборник стихов, но тем самым содержит имена людей, принявших в нем участие: «Вчера в зале губернской земской управы (Кабинетская, 18) состоялось чествование Бальмонта (в связи с 25-летием его писательской деятельности), прошедшее весьма удачно. Я послал Наташе пригласительный билет, и она явилась (сперва зашла за мной, но не застала дома) в элегантном черном платье, с красными гвоздиками на груди, в длинных белых перчатках и большой белой, мягкой, совсем без украшений, фетровой шляпе, придававшей ей сходство с Пьереттой. Она возбуждала всеобщее любопытство. Я представил ее нескольким лицам, которым она посылала от меня рекомендательные письма и свою книгу для рецензирования, в том числе – Арабажину, Вячеславу Иванову и Сергею Городецкому. Последний сразу же заговорил с ней в доверительном тоне, прогуливался с ней, держа ее под локоть, мчался с ней рука об руку вниз по лестнице, потом снова взбегал с ней наверх, целовал ее левую руку, протянутую для поцелуя, и т.д.; она обещала навестить его. Она (Наташа) протянула Цензору, который мимоходом с ней поздоровался, гвоздику со своей груди, хотя для этого не было ни малейшего повода. Композитору Гречанинову написала в блокнот свое стихотворение “Бледной невидимкой” — с тем, чтобы он переложил его на музыку. Я познакомил ее с Батюшковым, Котляревским и Аничковым, с которым она тут же стала флиртовать, с Чуковским и другими. Настаивала, чтобы я познакомил ее с Флексером-Вольнским, и прекратила свои просьбы только тогда, когда я сказал, что он пишет большие критические статьи, а не рецензии» (Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Издание подготовил Константин Азадовский. М., 2008. С. 577–578).

Несмотря на отсутствие Блока, Брюсова и свое собственное, юбиляр остался доволен чествованием. 20 января 1913 года он писал Ф. Батюшкову: «Вернувшись, наконец, из кругосветного своего плаванья, приношу Вам сердечную благодарность за высоко-радостные минуты, которые подарили мне Вы, Нео-Филологическое Общество, и другие мои друзья и мне сочувствующие. Будьте добры передать мою искреннюю признательность проф. Брауну, Аничкову, Д. К. Петрову, Арабажину, – также, если Вы видите, Вячеславу Иванову и Сологубу» (РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 3. Л. 9; другой фрагмент того же письма см. в: Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. С. 273).

Из письма Рюрика Ивнева к Иванову от 10 октября 1912 г. становится ясным, что поэт имел отношение и к собиранию юбилейного сборника: «Не откажите сообщить мне, вышел ли сборник, посвященный юбилею Бальмонта, и вошло ли туда стихотворение, посвященное мной поэту, которое я читал Вам в мае 1912 года вместе с другими своими стихами» (Обатнин Г.В. «Тайна Вячеслава» (Из истории писательского интереса к

В. Иванову) // *Emigrantica et cetera: К 60-летию Олега Коростелева* / Ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2019. С. 112). Однако собственную статью поэт сразу назначал в журнал «Аполлон», о чем косвенным образом свидетельствует то, что Чудовский в своем отчете о юбилее ограничился фразой: «Вяч. И. Иванов произнес речь, которая будет напечатана в “Аполлоне”» (*Русская художественная летопись*. 1912. № 7. С. 104), не желая предварять ее публикацию своим пересказом в органе, который являлся приложением к этому журналу. При повторной публикации статьи Иванова в «Записках Неофилологического Общества» она была снабжена примечанием «С разрешения автора перепечатана из журнала “Аполлон” 1912 г. № 3–4, стр. 36–42» (СПб., 1914. С. 45). Из ораторов, выступавших на юбилее, кроме Иванова, лишь Ф. Батюшков опубликовал свое выступление дважды (первая публикация: *Поэзия К. Д. Бальмонта (К 25-летию деятельности)* // *Пермский край*. 1912. 20 марта. № 48. С. 2; 21 марта. № 49. С. 2).

Оттиск статьи Иванов, очевидно, получил уже в Швейцарии, см. в письме Маковского к Батюшкову от 6 августа 1912 г., где адресат сообщал, что распорядился о его отправке в Лозанну, куда писатель просил писать ему до востребования (РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 17. Л. 4). «О лиризме Бальмонта» вместе со статьей «К. Бальмонт» должна была войти в сборник «Борозды и Межи», оба текста подразумеваются в его первоначальном составе под названием «Юбилей Бальмонта (Две статьи)»: ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 203. Л. 122, а также по более позднему плану уже в одиночестве должна была войти в раздел «Увенчанные»: НИОР РГБ. Ф. 190. Карт. 21. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

В 1913 г. Бальмонт вернулся в Россию, и 7 мая в московском Литературно-художественном кружке Брюсов организовал ему еще один юбилей, запомнившийся скандальным появлением на нем В. В. Маяковского, свод откликов см. в работе: *Соболев А. Л. Общество свободной эстетики (1906–1917)*. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 148–153; на него поэт отозвался заметкой «Привет Москве» (о которой см. выше). Скупые детали этого события содержатся в письме С. Кречетова к Ф. Сологубу от 16 июня 1913 г.: «В начале мая был на встрече Бальмонта (уже в военном виде), пытался сказать ему приветствие, но был вдвинут в рамки законности жандармским подполковником. Провел с Бальмонтом весь день, – между прочим, – он говорил о Тебе с чувством большой нежности и благодарности за содействие празднованию его юбилея» (*Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века*. Т. 1. М., 2021. С. 251; *празднованию его юбилея* — речь идет об описанном выше прошлогоднем праздновании в Петербурге). Кроме того, Бальмонта еще раз чествовали 8 ноября того же года в «Бродячей собаке», что также завершилось скандалом и даже пьяной дракой (см.: *Соболев А. Л. Хроника одного скандала* // *Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар*. М: Издательство «Трутень», 2013. С. 217–240). Описание юбилея поэта в мемуарах В. Шкловского «Жили-были» относится к еще одному петербургскому чествованию, 22 ноября 1913 г. во Всероссийском литературном обществе: «В первом этаже <университета> профессор Ф. Батюшков, человек талантливый, несколько дилетантски настроенный, устроил вечер в честь поэта Бальмонта. У Бальмонта были рыжие пышные волосы. Рост у него был маленький. Он много читал в подлинниках, но сам был птицей без гнезда.

Сейчас он сидел лицом к окну за длинным академическим столом, покрытым добротным парадным зеленым сукном. <...>

Вставали – один старик за другим – и по очереди с достоинством произносили хвалебные речи.

Поэт встал и протянул к окну руку с розовыми тонкими пальцами. <...>
Бальмонт сказал высоким и красивым голосом <...> и т. д. (*Шкловский В. Б. Жили-были: Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX в. по 1964 г.*

М., 1966. С. 93). Основным докладчиком на нем выступил Аничков, газетный пересказ речи которого обнаруживает тематическую близость к упоминавшейся выше его статье о Бальмонте для венгерской «Истории русской литературы XX века», а инициатива исходила от «троицы Мережковских» и Вл. В. Гиппиуса, написавшего на следующий день так и оставшийся неопубликованным отчет о событии для газеты «Речь», подробнее см.: Владимир Гиппиус. Привет поэту / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Г. В. Петровой // Русская литература. 2026. № 1. С. 176–177. Суммарные впечатления от разных встреч отложились в мемуарной зарисовке Ахматовой: «26 января 1964 г. Анна Андреевна вспоминала, каким был Бальмонт: ”Маленький, с рыжими волосами, очень длинными и растрепанными”. Как-то на литературном приеме ”заложил ножку за ножку и, когда танцевали, сказал: ”Зачем мне, такому нежному, на это смотреть?”” Он сидел рядом с Анной Андреевной и импровизировал стихи — такие же, как те, что он печатал. Ахматова продолжала: ”На нервной почве он сказал в 1905 году, что Николай II — дурак; его отправили в Париж. Без него был его юбилей”» (Иванов В. В. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. М., 1991. С. 496).

Ни в московском, ни в петербургских чествованиях 1913 г. Иванов не участвовал (весной его даже не было в России), но его подпись стоит среди 58 других под коллективным письмом, которым художественная и научная интеллигенция обеих столиц попрощалась с вновь уехавшим в Париж поэтом: «Дорогой Константин Дмитриевич! Группа лиц, ценящих непреходящую красоту вашего творчества, глубоко любящих вас, как человека, испытывает в эти дни сердечную потребность еще и еще раз засвидетельствовать перед вами свои чувства отменного к вам уважения» (Брюсов В., Балтрушайтис Ю., Иванов В. [et al.] Письмо к Бальмонту // Русское слово. 1913. № 267. 19 ноября. С. 4, доп. подписи см.: К письму Бальмонту // Русское слово. 1913. № 268. 20 ноября. С. 6). На этом юбилейные отношения между поэтами не закончились, но прежде надо сделать экскурс в историю их знакомства и непростой дружбы.

Стилистическую общность между писателями чувствовали представители разных поколений, и в этой связи можно процитировать как мемуарный фрагмент из дневника М. Кузмина 1934 года: «Они могли долго и серьезно обсуждать, кто из них бирюзовый, а кто из них вечеровый» (Кузмин М. Дневник 1934 года / Под редакцией, со вступит. статьей и примеч. Глеба Морева. СПб., 1998. С. 92), так и едкое замечание А. Ахматовой в воспоминаниях о «башне» из записной книжки: «Нынешняя молодежь, то есть уже настоящие потомки, читают “*Cor ardens*”, недоумевают и говорят: “Плохой Бальмонт”» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Составление и подгот. текста К.Н. Суворовой. Вступит. статья Э. Г. Герштейн. М.; Torino, 1996. С. 616). В письме от 14 декабря 1906 г. Волошин передавал Сабашниковой слова Иванова: «Вот если бы сейчас на Вашем месте сидел Бальмонт и спросил меня: “Скажи мне, Вячеслав, какая разница между тобой и мной?” Он ведь любит задавать такие вопросы. То я бы ему ответил: “Там, где ты употребляешь слово *красивое*, я говорю *прекрасное*”» (Волошин М.А. Собр. соч. М., 2015. Т. 11. Кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906–1924. С. 190). Попытка очертить перипетии творческого диалога поэтов – в 1900-е преобладающее воздействие поэтики Бальмонта на Иванова и следование им за Ивановым в 1910-е – предпринята в работе: Берд Р. «Кукушка и соловей»: Вяч. Иванов и К.Д. Бальмонт // Берд Р. Символизм после символизма. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 60–72. Но к моменту организации вечера 1912 г. отношения между писателями, имевшие насыщенную историю, практически сошли на нет, и одной из причин для той активной роли, которую Иванов сыграл для чествования Бальмонта, стал подъем, который он переживал в своей деятельности по организации русских символистов, сплотившихся вокруг журнала «Труды и дни». Недаром в его первом номере краткое редакционное объявление о вечере

11 марта занимало отдельную страницу и было набрано более крупным шрифтом (Труды и дни. 1912. № 1. С. 52).

Первое одобрение Иванова вызвал сборник Бальмонта «Тишина» (1898), который он читал Вл. Соловьеву, упомянув об этом в написанном на итальянском языке послании к Зиновьевой-Аннибал из Сестрорецка от 16/29 июня 1899 г. (Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия: Переписка: 1894–1903. В 2-х томах / Подг. текста Д. О. Солодской и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля. Вступ. статья М. Вахтеля и Н. А. Богомолова. Комментарий Н. А. Богомолова, М. Вахтеля при участии Д. О. Солодской. Том 1. М., 2009. С. 613). Вновь посетив на следующее лето Петербург и снова приобретя новую книгу Бальмонта, он в письме к жене от 13/26 июня одобрительно отзывается уже о «Горящих зданиях» («Таланта в книге много, и таланта созревшего <...>» и т.д.; Там же. С. 668). На выход сб. «Будем, как солнце» (которое, видимо, подразумевается в списке книг для покупки в Москве в письме Иванова к М.М. Замятниной от 26 марта / 8 апреля 1903; *Богомолв Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2006. С. 50) поэт откликнулся латинским стихотворением, вошедшим в сб. «Прозрачность» и прочитанным на чествовании (подробнее см. ниже, с. 00 наст. изд.); см. позднейшее рассуждение Иванова относительно этого стихотворения: «И если в 1904 году (в эпоху «Прозрачности») я писал, что первую пальму и лавр предоставляю Бальмонту, то этим я не хотел отнюдь сказать, что я считаю его выше себя: нет, я как жюри — вне сравнения, он первый среди всех остальных, кроме меня» (*Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 50–51).

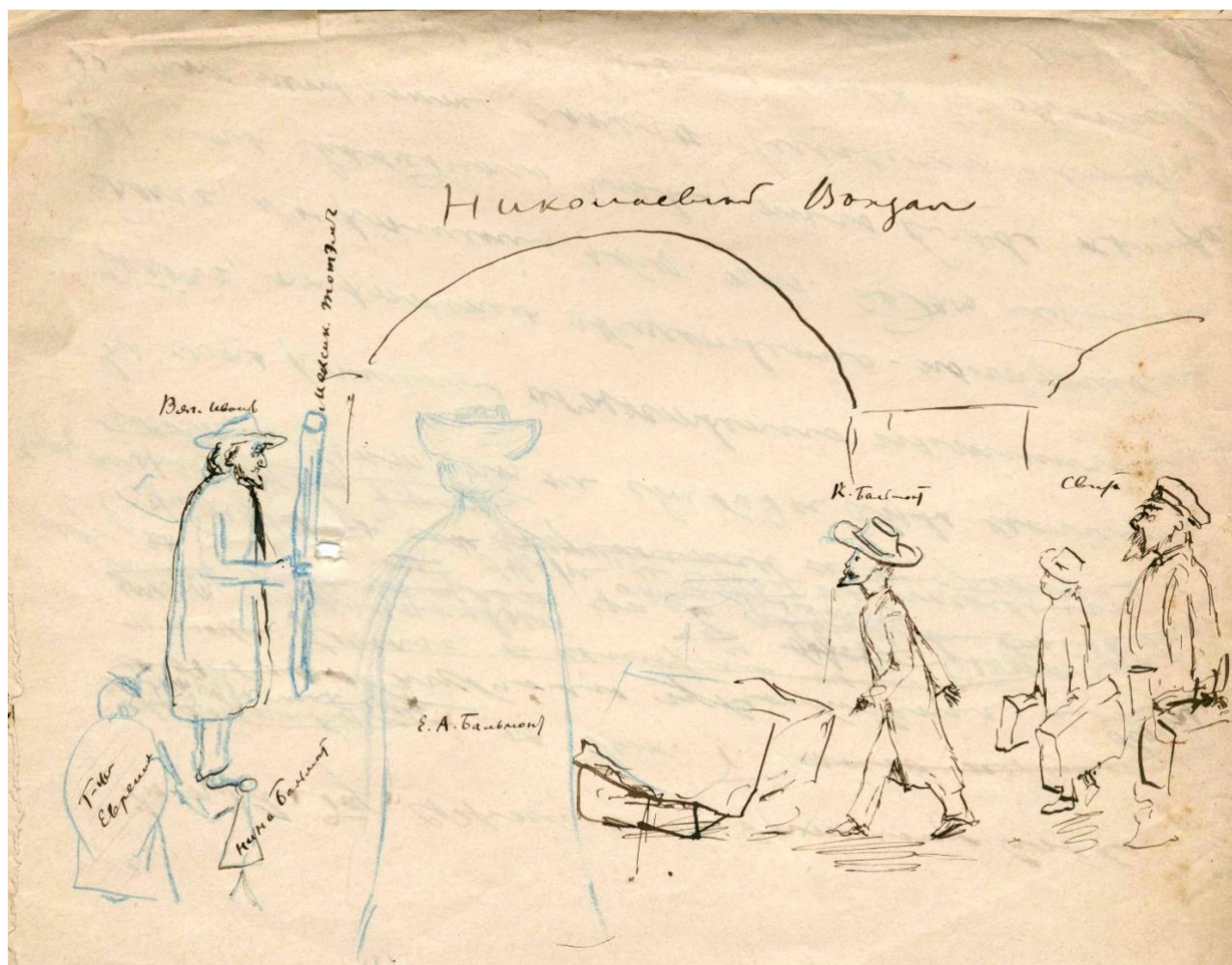
Публичности еще при жизни обоих поэтов была предана история их знакомства, которое состоялось в день приезда супругов Ивановых в Москву 16 марта 1904 года, в редакции «Скорпиона»; тогда они вошли в круг московских символистов, а Иванов в этот первый приезд получил еще проходивший цензуру свежотпечатанный сборник «Прозрачность» (см. написанное на следующий день письмо Зиновьевой-Аннибал к Замятниной: *Богомолв Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 94). В «Автобиографическом письме» к С. А. Венгеру Иванов писал: «В следующем году мы с женою познакомились с московскими поэтами, — Брюсов, Бальмонт, Балтрушайтис признали меня торжественно “настоящим”, и торжественно же мы побратались, — а вслед затем и с петербургским кружком “Нового Пути”» (II, 21). Тот же эпизод, судя по отчету, Иванов в присутствии Бальмонта упоминал в своем выступлении на литературном диспуте «Что дали символисты русской литературе?», состоявшемся 1 марта 1920 г. и организованном литературной группой «Звено»: «Прекрасное слово произнес старейшина символической плеяды поэтов маститый Вячеслав Иванов. Он вспомнил первые шаги российского символизма, надежды, связанные с ним, и вообще эту эпоху российского художественно-литературного Sturm and Drang'a. Между прочим, он рассказал о своем приезде из Франции в Париж <так!> после издания им его первой книги «Кормчие звезды» и том приеме, который был ему оказан в России тогдашними maître'ами русского символизма — К.Д. Бальмонтом и В.Я. Брюсовым. Они его сразу приняли, как *своего*, и тотчас же как бы посвятили в свой орден, одним из условий которого было называть друг друга на “ты” и лишь по имени» (*Старый писатель [Волжанин О.А.]*. Суд над символистами (Письмо из Москвы) // Вестник литературы. 1920. № 4–5 (16–17). С. 7; абсурдная фраза про Париж должна быть исправлена на «из Швейцарии в Москву»; на диспуте Бальмонт прочел из «Песни рабочего молота», так как на состоявшемся за месяц до того предыдущем диспуте под названием «Настоящее и будущее русской литературы» ему пришлось защищаться от обвинений в буржуазности).

Именно к московскому пребыванию Ивановых в 1904 г. относится обычное пьяное дебоширство Бальмонта, ужин с требованием Брюсова встать на колени перед

Бальмонтом, скандальное посещение Соколовых вечером 20 марта, шатания по ночной Москве, а в письмах Зиновьевой-Аннибал сообщается, что сначала Брюсова с Балтрушайтисом, а потом и Бальмонта Иванов теперь зовет по имени (см.: *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 97–100, 103). Однако итоговый приговор мы находим в дневниковой записи писательницы от 22 мая 1904: «О Бальмонте не хочется писать. Проснется ли он к новому духу? Вряд ли. Старая песня выпета и перепета. В пьяную ночь, придя к нам, он плача читал стихи В<ячеслав>ва. “Всё жрец и жертва, Всё горит. Безмолвствуй” и говорил сквозь слезы, утираясь черным платком: “Как он сказал и только эти слова! Я написал бы длинное стихотворение! Ах, он себя не знает. И какая страсть в нем. И какая сжатость!” — Да, ужасно несовершенство болтливых стихов. Что останется? Что велико? что истинно? Что ничтожно? — Нам измерить нельзя. Время измерит. Но человек он дрянной. Задорный, трусливый <?>, лакомо-сладострастный и бессильный, неблагородный и без слова. Его экстазы не исступления из своей тесноты, а посягновения на личности других. Он хочет брать и не дает. Оттого, когда он рыдает: “Я один, я один!” нельзя придти ему на помощь и напрасна жалость» (*Зиновьева-Аннибал Л. Д.* Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. Андрея Шишкина // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия А. В. Лаврова. М.: НЛЮ; СПб.: Пушкинский Дом, 2009. С. 790–791, цитируется стихотворение «Слоки» из «Прозрачности»; ср. также воспоминание Иванова в разговоре с М. С. Альтманом, что Бальмонт «плакал от восторга, прочтя “Дриады”»; *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 40). Свою литературную программу «действия» и «теургии» Иванов теперь строил на преодолении эстетики Бальмонта, как это видно из изложения его речей в письме посетившего его в Шатлэне В.Ф. Эрнэ к П.А. Флоренскому от 1 октября 1904 г.: «Вяч. Иванов говорит, что теперь, по его мнению, начинается особый период в литературе (я очень схематично передаю его слова – он говорит живо, колоритно и иногда необыкновенно оригинально выражается). Период чистого эстетизма прошёл. Последним крупным представителем у нас был Бальмонт. Это чрезвычайно богатый и даровитый поэт, умевший петь очень своеобразно и на новый лад, смевший то, что ему положено было сметь, но его время прошло» (Нашедшие Град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост., предисл. и коммент. С. В. Черткова. М., 2017. С. 121–122).

Одним из результатов воплощения этой программы в жизнь стал переезд Ивановых в Россию и начало деятельности «башни». Поэтому появление Бальмонта на ней вечером 14 сентября 1905 г. первоначально вызвало опасения у Зиновьевой-Аннибал, которые, однако, не подтвердились: «<...> я почувствовала нечто вроде судороги ужаса. Слишком было тяжело видеть, ощущать медленное заковывание трупа в прошлую московскую весну. Вошел Он. Лицем <так!> возмужал как-то, даже почти похорошел, и Вячеслав с ним на ты. Оказывается, когда увидел его, то поцеловал и обратился на ты. “А я думал, ты меня ненавидишь”, так они в радостной встрече побратались. С первого взгляда я увидела, что Бальмонт воскрес, но еще он был стеснен обществом, смутно враждебен, и все напряжение мое и В<ячеслава> было в уравнивании всех подводно текущих самолюбий» (*Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 127). Отрадное впечатление осталось и у Иванова, который описывал приход Бальмонта в письме к Брюсову от 20-го сентября: «Он показался нам совсем обновленным... Неужели же “обманул”? И сам он говорил, что теперь — иной. Стихи, которые он читал, только укрепили наши надежды. Намечаются две новые струи: *детская* поэзия, которая, кажется, будет действительно детской, в лучшем смысле (а это в своем роде “венец”, — конечно, завидный для каждого поэта), и *сатирическая*. Я советовал ему объединить сатиры в самостоятельный сборник, написать “Xenien” на недруга и друга, — потому что он часто хорош как сатирик (вопреки мнению большинства) и даже прикоснулся к стихии *юмора* (также “венец”). Наконец — last not

least — его старый лиризм — как старое вино — сделался еще сильнее и благоуханнее, его “певучая сила” еще энергичнее, — вольней и задушевней <...> На другой день Бальмонт завтракал у нас, мы гуляли по крыше нашего жилища и опять, как некогда, заглядывались в бездны, потом я проводил его на вокзал» (ЛН. Т. 85. С. 485; упоминается цикл дистихов Гете и Шиллера, где они едко высмеивали своих критиков; проводы на вокзал поэт даже зарисовал, и зарисовка сохранилась в рукописях Зиновьевой-Аннибал, Римский архив, предоставлено А. Б. Шишкиным, см. илл. 1).

Илл. 1. Кроме самого автора рисунка и его главной фигуры, контурами намечены жена Бальмонта Екатерина Андреевна, четырехлетняя дочь Нина (в будущем Бруни), для которой были написаны «Фейные сказки» (на них Иванов намекает в процитированном письме к Брюсову), и подруга Е. А. Бальмонт Антонина (Нина) Евреинова, в прошлом издатель «Северного вестника». Иванов держит в руках «мексиканский тотэм», поскольку в 1904 – 1905 г. Бальмонт посетил Калифорнию и съездил в Мексику.

Однако на вокзале Бальмонт сделал неожиданное признание, о котором Иванов также рассказал Брюсову: «Здесь, перед отходом поезда, все время сожалел, что не остался в Петербурге на день, чтобы побыть с нами и съездить вместе к Сологубу (!), — вдруг начал исповедь: “Ты бы меня не встретил так, если бы знал, что недавно в письме к Валерию я тебя уничтожил в трех строчках”... Дальше — цитата, из которой мне запомнились выражения: “аптекарьские весы” и “медоточивый дистиллятор”. Я сказал: “Ты не смеешь отрицать меня, — или ты не поэт”... В общем, следовательно, возрождение всех надежд на Бальмонта — и ужели же он “обманул”?» (ЛН. Т. 85. С. 486). В самом деле, оба выражения находятся в письме Бальмонта к Брюсову из Силламяги от 5

сентября: «Хорош многим Вячеслав, но к сожалению он более, чем что-либо — ученый провизор. Медоточивый дистиллятор» (Переписка с К. Д. Бальмонтом 1894—1918. ЛН. Т. 98. С. 168). Но, кроме того, в письме от 1 сентября он послал тому же корреспонденту сатирическое стихотворение «У океана», содержащее строфу с намеком на ивановские идеи:

Кликуша говорит: «Мы достигли Бога».
 Мистический в ответ кричит ей граммофон:
 «Христос и Дионис у моего порога.
 Они слились в одно, внемирный в том закон»

(Там же. С. 166).

Однако, и на новом этапе своей литературной карьеры Иванов продолжал возлагать надежды на Бальмонта, который оказался вне размежевания петербургских и московских символистов в 1906–1908 гг. Об этом свидетельствуют его слова в разговоре с Волошиным, переданные последним в письме к Сабашниковой от 23 сентября 1906 г. Уговаривая Волошина издать сборник своих статей по искусству, Иванов сетовал: «Брюсов погрузился в холодный парнас<с>изм и магнетизм, далекий от жизни. Бугаев собирается писать некролог Андрею Белому, которому некуда больше идти. / Надо оставить этот истрепавшийся литературный псевдоним. Бальмонт со своею чуткостью что-то почуял и бросился на народную русскую поэзию» (*Волошин М.А.* Собр. соч. М., 2015. Т. 11. Кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906–1924. С. 126). Как отметил в комментарии к письму К.М. Азадовский, имеются в виду фольклорные стилизации Бальмонта, которые потом вошли в книги стихов «Злые чары» (1906), «Жар-птица. Свирель славянина» (1907) и «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (1909). Нет сомнения, что Иванов в этих опытах видел параллель к своим собственным теориям всенародного искусства (нового мифотворчества) и порожденным ими попыткам воплотить их в поэтических текстах (как С.М. Городецкий). Это новое сближение двух поэтов чутко уловила А.Р. Минцлова, писавшая Волошину 12 марта 1907 г.: «Для меня это — великое горе, ужас невыразимый, если В. пойдет по стопам Бальмонта... Неудержимая страсть, затем — упадок таланта, затем — упадок личности самой — И это тем ужаснее, что ведь В. — выше, огромное не только Б., но и кого бы то ни было в мире, сейчас...» (цит. по: *Обатнин Г.В.* Иванов-мистик: (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000. С. 24). Любопытно, что в конце 1907 г. и Бальмонт писал в статье «Наше литературное сегодня» о приверженности кругу поэтов-символистов: «Я невысокого мнения и о современных русских поэтах. Однако я все чего-то от них жду, и, кроме того, уже многие дали что-нибудь, продолжают давать: Брюсов, Сологуб, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Блок, на минутку Кузмин, на полминутки Городецкий зовут, влекут и притягивают» (Золотое руно. 1907. № 11–12. С. 62).

Это дистанцирование Бальмонта от литературной злобы дня получило свое продолжение после его отъезда в Париж на новый 1906 год, что он сам считал политической эмиграцией. Иванов теперь стал восприниматься им как своего рода литературный контрагент в покинутой России. Одно из немногих писем Бальмонта к нему от 13 сентября 1906 г. из Бретани содержит просьбу пойти в «Знание» к К. Пятницкому и вежливо, но настойчиво выяснить судьбу переводов из Шелли, а также книги «Цветы чужеземной поэзии»; и здесь же приложены два стихотворения «Велес» и «Колос Велеса» (ИРЛИ. Ф. 607. № 246; в письме к Е. Ляцкому от 8 июля 1909 года Бальмонт, рассказывая о судьбе своих переводов из Уитмена, пояснял: «В 1906-м году, в разгар осенних Московских событий, временно дружный с Максимом Горьким, отдал рукопись ему <...> Затем я уехал, почти бежал, за границу, откуда вернуться не могу. Также и Горький. Засим, он и Пятницкий обманывали меня молчанием, и не отдавали

рукопись <...>» и т.д.; ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. № 55. Л. 25). В другом письме, от 13 марта 1907 г. из Парижа Бальмонт диктовал Иванову: «Напиши, и “Эрос” пошли брату моему, и “Уродов”, а малый академик Блок пусть пошлет мне как-н<и>б.<удь> своего семимесячного литературного ребенка» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 12. Ед. хр. 5. Л. 1; упоминаются издания «Ор»: третья книга стихов Иванова, повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода», а также сборник Блока «Земля в снегу»). О постепенном затухании этого типа отношений свидетельствуют слова в письмах Г.И. Чулкова к Иванову: от 16 мая 1911 г. из Парижа: «Несколько раз был у нас Бальмонт и мы, т.е. я и Над.<ежда> Григ.<орьевна>, на днях пойдем к нему: в первый раз мы встретились с ним случайно в кафэ. Он очень милый. Почему Вы ему не отвечаете на письма? Он горько жаловался», а в письме от 25 мая того же года (датируется по штемпелю) прибавлял: «Умоляю Вас: пошлите Бога ради “*Cor Ardens*”. И Бальмонту пошлите» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 36. Ед. хр. 46. Л. 2, 4 об.).

Активная роль, которую сыграл Иванов в организации чествования 11 марта 1912 г., а также переезд обоих поэтов в Москву, Иванова в 1913-м г. и Бальмонта в конце мая 1915-го, способствовали тому, что отношения между поэтами вновь приняли относительно регулярный характер. См., напр., запись в дневнике М.М. Замятиной от 30 сентября 1913 г.: «Вечером Вяч. был у Полякова. Там был Бальмонт, кот. специально приехал, чтобы встретиться с Вячеславом» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 106). В письме от 1 июня 1915 г. В.К. Шварсалон сообщала брату Сергею в армию: «Сейчас были у нас Брюсов и Бальмонт, приехавший из Парижа» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 37. Л. 25 об.). Имя Бальмонта не раз встречается в перечислениях гостей в доме на Зубовском бульваре, см. в письме М.М. Замятиной к В.К. Шварсалон от 19 июня 1915: «Бальмонт был очень, очень симпатичен. Читал стихи, к сожалению, я от усталости едва могла их слышать. Читал ему Юр.<ий> Ник.<андрович> свое “Созвездье” и Бальмонту очень понравилось» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 27 об.; речь идет о поэме Верховского). Оба поэта возвращаются в одних и тех же литературных, философских и музыкальных кругах Москвы и принимают участие в культурных антрепризах (например, вечере армянской поэзии, см. сводку материалов: *Соболев А. Л. Общество свободной эстетики (1906–1917) / Отв. ред. М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 202–203).*

Между ними возобновился поэтический диалог: в 1915 г. Иванов откликнулся на стихотворение Бальмонта, посвященное переименованию Петербурга («Ответ Бальмонту», IV, 32, дата под текстом 1 июля), и еще дважды в том же году обращался к поэту с выражением симпатии в поэтических текстах (сонет «Бальмонту» («Люблю тебя — за то, что ты горишь...»), IV, 31, дата 29 января), опубликован в майской «Русской мысли» вместе с посвященным Иванову венком сонетов Бальмонта «Адам» (анализ диалога см. в работе: *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. К. Бальмонт и Вяч. Иванов (Предварительные разыскания) // Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. С. 110–111*), а также в стихотворении «За то, что в трепете годин» (IV, 66, датировано 14 ноября). Бальмонт в долгу не оставался: 3 июля 1915 года помечено восьмистишие с посвящением «Вячеславу Иванову» («Когда умолк вдали тяжелый шум лавин...») (дата под автографом: ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 2. № 3. Л. 1; в «Сонетах меда, солнца и луны» поэт расширил этот текст до сонета, снял посвящение и дал заглавие «Белая парча»; М., 1917. С. 168). Через Иванова была устроена публикация венка сонетов Бальмонта «Он и Она» в журнал «Русская мысль» (письмо поэта к С.Л. Франку от 15 февраля 1917 г., см.: *Обатнин Г.В. Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник РО ПД на 1991 год. СПб., 1994. С. 50–51*). По возвращении Иванова с юга после полуторагодового отсутствия в Москве Бальмонт писал Е. А. Бальмонт в письме от 9 сентября 1917 г.: «Видел Вячеслава

Иванова. Очарован им, но он мудрый Лис с пушистым хвостом» (цит. по: Переписка с К. Д. Бальмонтом. 1894—1918. ЛН. Т. 98. С. 239). К очередному юбилею собрата по перу, тридцатилетию творческой деятельности, Иванов написал стихотворение «Бальмонт! Не юбилейный панегирик...», датированное «на 6.XII. 1917» (IV, 69). Через четыре дня оба поэта опубликовались в однодневном выпуске газеты «Слову – свободу!».

В комментариях к этому «не панегирику» в брюссельском собрании сочинений опубликован сохранившийся в бумагах Иванова экспромт Бальмонта, своего рода «ксения», датированный 28 декабря 1917 г. под названием «Вячеславу после стихов третьего поэта». По собственноручному пояснению Иванова имелся в виду выступавший в московском салоне Цетлиных И.Г. Эренбург, на фоне «варварской речи» которого Бальмонт объявлял старому другу: «Мне кажется, мы — одного закона» (IV, 719). Судя по всему, вечер планировался в пользу бедствующего Ходасевича, см. письмо Гершензона к Андрею Белому от 21 декабря 1917 г.: «У меня к Вам дело. Владисл<ав> Фелиц<ианович> Х<одасевич> находится в крайне стесненном положении; необходимо ему помочь. Мы с А.Н.Толстым придумали литературный вечер, и одна богатая дама предоставила для этого залу в своем доме возле Арбата. Можно собрать тысячу рублей. Помогите — не откажитесь участвовать; прочтите что-нибудь, стихи новые, или отрывок из 2-й части Котика Летаева. Будут участвовать еще: Вяч<еслав> Иван<ович>, Бальмонт, А. Н. Толстой. Вечер предположено устроить 28-го или 29-го декабря» (Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона / Вступ. Ст., публ. и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 260; *богатая дама* — имеется в виду М.С. Цетлин (Тумаркина); в комм. на с. 261 на основании письма Гершензона к брату от 31 декабря указывается, что в утреннем мероприятии приняли участие Толстой, Бальмонт и Вяч. Иванов). Другой вечер в том же салоне, состоявшийся 14/28 января 1918 г., где выступали Бальмонт и Иванов вместе с Д. Бурлюком и В. Маяковским, который читал своего «Человека», заслужил не только отклики в прессе, но и многочисленные описания в позднейших мемуарных текстах, в том числе в известных воспоминаниях Эренбурга (перечень см.: *Хазан В.* «От книги глаз не подыму»: О личности и творчестве Михаила Цетлина // Цетлин М.О. (Амари). *Цельное чувство: Собрание стихотворений*. М.: Водолей, 2011. С. 278–279). Это открыло новый этап сближения поэтов, совместно выступавших в качестве престарелых представителей символизма, а в творчестве Бальмонта инициировало ряд обращенных к Иванову шуточных экспромтов 1918 – 1919 годов, сохранившихся в архиве адресата: «Вячеславу («Хоть мой друг китайский Ча-Ю...»), «Иванов, Бальмонт и Бруни - / Клевер, расцветший в Июне...», «Свершил Вячеслав Иванов / Поэтически – весь канон...»; «Вячеславу Иванову» («Медвяный звон голубоглазой песни...») (опубл. в: *Берд Р.* «Кукушка и соловей»: Вяч. Иванов и К. Д. Бальмонт. С. 72–73). О каком-то из вечеров в том же салоне Эренбург вспоминал в другом своем мемуаре — «Книге для взрослых» (1936): «В 1918 г. в Москве еврейская купчиха и меценатка устраивала у себя ужины для поэтов. К ней приходили есть; потом расплачивались — кто чтением стихов, кто вздохами, кто акростихами. Помню один из таких ужинов. Вячеслав Иванов, похожий на пастора, говорит о расхождении между принципами Франциска Ассизского и окружающей его действительностью. Хозяйка прерывает эти размышления горестным вскриком: кто-то пролил на скатерть красное вино. Бальмонт потрясает своими локонами и с носовым "ннн" твердит о "просветленной влюбленности". Молодые поэты старательно жуют осетрину. Вдруг открывается дверь. Входит бледный, изможденный человек. Он неуклюже сует кому-то руку. Садится. Хозяйка щебечет: "Может быть, вы прочтете ваши стихи?" Она еще не поняла, кто этот человек. Он, видимо, думает о своем. Он ломает хлеб и начинает есть с глубоким равнодушием. Потом он говорит о солдате с отмороженными ногами. Это Хлебников. Все замолкли и смотрят на смутное,

доисторическое лицо, которое напоминает древние русские статуи» (*Эренбург И.* Книга для взрослых / Вст. ст., подг. текста и комментарии Б.Я. Фрезинского. М., 1992. С. 278–279).

Весной 1918 года Бальмонт и Иванов принимали участие в «франко-итало-русском» «Союзе Взаимопонимания», см. мемуарное письмо Ж. Патуйе к Иванову от 14 мая 1937 г. в: *Шишкин А., Пирон Ж.* «J'entrevois et j'aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция») // *Окно из Европы: к 80-летию Жоржа Нива / Сост. Г. Нефедьев [и др.]; ред. Т. Шаманова.* М., 2017. С. 184). В ноябре того же года поэт предложил кандидатуры Бальмонта и Балтрушайтиса в Лекционную и Редакционные группы Историко-литературной секции ТЕО Наркомпроса, см.: *Зубарев Л. Д.* Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послевоенных лет // *Начало: Сб. работ молодых ученых.* М., 1998. Вып. 4. С. 193).

До отъезда из Москвы обоих поэтов Иванов успел трижды выступить с Бальмонтом на публичных мероприятиях. После вышеупомянутого диспута 1 марта 1920 г. (где Бальмонт читал «Песни рабочего молота»), Иванов выступал 29 марта во Дворце искусств в Москве на последнем из состоявшихся на родине чествовании Бальмонта, организованном группой «Литературный особняк», по случаю 30-летия выхода его первой книги. Члены этой группы уже не в первый раз обнаруживали интерес к творчеству Бальмонта (19 января того же года ему уже было посвящено заседание «Литературного особняка», см.: *Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография / Отв. ред. А. Ю. Галушкин.* М., 2006. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920. С. 502). Событие осталось в мемуарной записи под названием «Юбилей Бальмонта» Ариадны Эфрон, пришедшей на вечер со своей матерью:

«Бальмонт входит, неся тетрадь и розу-пион. С грозным, львиным и скучающим видом он садится, на один стул кладет тетрадку и цветы, а на другой садится поэт Вячеслав Иванов. Все рукоплещают. Он молча кланяется, несколько минут сидит, потом встает в уголок между стулом и зеркалом и, покачивая свое маленькое кресло, начинает речь о Бальмонте, то есть Вступительное Слово.

К сожалению, я ничего не поняла, потому что там было много иностранных слов. Иногда среди речи Вячеслава Ивановича раздавались легкие рукоплескания, иногда — возмущенный шепот несогласающихся.

На минуточку выхожу из душевой залы вниз, в сад, пробегаю его весь, не минуя самых закоулков, думая в это время, как это люди могли жить в таких сырых, заплесневелых подвалах дома Соллогуба. Возвращаюсь, когда Вячеслав Иванович кончает, вылезает из своего углового убежища и крепко пожимает Бальмонту руку» (*Эфрон А.С.* О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М., 1989. С. 93). Рассказ о событии остался и в записных книжках самой М. И. Цветаевой, и ее пересказ выступления Иванова содержит идеи, уже высказанные в статье «О лиризме Бальмонта»: «Юбилей Бальмонта. Речи Вячеслава и Соллогуба. <...> Бальмонт как царь на голубом троне-кресле. Цветы, адреса. Сидит, спокойный и не смущенный, на виду всей залы. Рядом, в меньшем кресле, старый Вячеслав – немножко *Magister Tinte*. <...> А рядом с говорящим Вячеславом, почти прильнув к нему – какой-то грязный 15-летний оболтус, у которого непрерывно течет из носу. Чувствую, что вся зала принимает его за сына Вячеслава (“бедный поэт! – Да, дети знаменитых людей... Хоть бы ему носовой платок завел... Впрочем, поэт – не замечает!”), - а еще больше чувствую, что этого именно и боится Вячеслав – и не могу – давлюсь от смеха – вгрызаюсь в платок...

Вячеслав говорит о солнце соблазняющем, о солнце слепоты, об огне неизменном (огонь не растет – феникс сгорает и вновь возрождается – солнце каждый день всходит и каждый день заходит – отсутствие развития – неподвижность) – Надо быть солнцем, а

не как солнце. Бальмонт – не только влюбленный соловей, но костер самосжигающий» (*Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки в двух томах / Сост., подг. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М., 2001. Т. 2. С. 147–148; упоминается учитель Тинте, букв. Чернила, гнусный персонаж из новеллы «Неизвестное дитя», входящей в сборник рассказов Э.-Т.-А. Гофмана «Серапионовы братья»). Судя по журнальным и газетным отчетам, список выступавших от лица литературных группировок во Дворце искусств был внушительным, но отмечалось отсутствие Брюсова (см. подробнее: *Литературная жизнь России 1920-х годов.* С. 536–537).

Финалом стало состоявшееся 16 мая 1920 г. заседание Общества любителей российской словесности в связи с отъездом за границу двух его членов, Бальмонта и Иванова. Бальмонт прочел свои переводы из литовской и скандинавской поэзии, а также посвященный Иванову венок сонетов «Адам», который, как он признался в пояснительном слове, был сочинен вослед ивановскому («Радостно переключаться кукушке и соловью, и я помню ту радость, которую я испытал, когда мне суждено было видеть орлиное гнездо поэта. Я помню — мы поцеловались и с той поры стали братьями»), а Иванов – свои переводы из Эсхила и Новалиса и «Зимние сонеты», см. протокол заседания: *Котрелев Н. В.* Иванов — член Общества любителей российской словесности // *Котрелев Николай.* За 50 лет: Избранные труды. Кн. 2. М., 2023. С. 126–131. Мемуар И. Н. Розанова добавляет к описанию заседания некоторые детали: «В 3 ч. я пришел в университет на заседание Общества любителей российской словесности. Здесь неожиданно оказался и Блок. Жена П. С. Когана — Н.А. Нолле — меня ему представила. Долго не начиналось. Начал Бальмонт чтением “Венка сонетов Вяч. Иванову” и др. стихов. “Радостно соловью переключнуться с другим”, — сказал Бальмонт. “Петуху с петухом”, — иронически прошептал мне мой сосед справа. Вяч. Иванов читал перевод “Агамемнона” Эсхила... и 12 сонетов, а затем свои переводы читал А.Е. Грузинский. Не знаю, на кого пришел Блок, но он заметно волновался и скоро исчез, кажется, не дослушав Вяч. Иванова. Вечером я на Блоке в Полит. музее» (*Розанов И. Н.* Встречи // *Розанов И. Н.* Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990. С. 435). См. также сопоставление двух поэтов и их человеческой ипостаси (в пользу Вяч. Иванова) в написанном через два дня письме М. И. Цветаевой к Иванову от 18/31 мая 1920 г., которое было вызвано его вопросом о ее дружбе с Бальмонтом (письмо она переписала в свою записную книжку, см.: *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 178–180).

Традиционным сравнением поэта и птицы Иванов завершил свое критическое рассуждение о Бальмонте в разговоре С. Альтманом 21 апреля 1921 г., где упрекал его в «бедности языка», «отвлеченности» и многоречивости: «Если человек не утомляется слушать соловья, то только потому, что человек сам есть не пассивное, а творческое эхо для соловья, мы в себе перерабатываем его пение. И по отношению к Бальмонту, думаю я, повторяется то же самое. Мы его воспринимаем переработанного нашим эхом. И в этом, быть может, и весь секрет его нескудеющей и совершенно неоправданной 30-летней славы» (*Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 67).

Возможно, на эту суровую оценку повлияли слухи о поведении Бальмонта после эмиграции. Иванов, который получил разрешение на выезд за границу уже весной 1920 г. (см. в письме Ал. Чеботаревской к сестре, посланном 1 апреля 1920 г.: «Браун и Иванов получили разрешение выехать в Ревель, теперь могут ехать и дожидаться дальнейших разрешений»; ИРЛИ Ф. 289. Оп. 5. № 310. Л. 21), туда в этот раз не попал, получив окончательный отказ в конце июля. Как известно, после смерти В.К. Шварсалон он вместо Ревеля оказался сначала в Кисловодске, а затем в Баку. В отказе поэт (как и общественное мнение) винил выехавшего в конце июня в Таллинн (Ревель) «болтливому» Бальмонта, якобы сразу не сдержавшего свое слово не выступать против

советской власти. Об этом свидетельствует раздраженный тон данной ему характеристики в объяснительном письме Иванова к Н. К. Крупской от 18 июля 1920 г.: «Ужели выходки чуждого мне по всему жизнепониманию литературного коллеги должны отнять у меня последнюю надежду на спасение жены?» (см.: Берд Р. Вяч. Иванов и советская власть // Берд Р. Символизм после символизма. С. 87). На самом деле ВЧК воспользовалась слухами, чтобы не выпустить Ивановых (см. подробный разбор всего дела: Берд Р., Иванова Е. Был ли виновен Бальмонт? // Русская литература. 2004. № 3. С. 55–72).

В заграничных юбилеях Бальмонта (об одном из них см.: Ливак Л. Людмила Савицкая в модернистской культуре. С. 63–64) Иванов участия не принимал.

Комментарий

О лиризме Бальмонта – Название обыгрывает заголовок статьи Н. В. Гоголя «О лиризме наших поэтов» (1846), вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями» (Гоголь Н. Сочинения. СПб., 1898. Т. XIV. С. 41–57).

...как у сказочного царя, что жил в садах роз на берегах Пактола, — все, чего бы он ни коснулся, превращалось в золото. – Имеется в виду один из мифов о фригийском царе Мидасе, рассказанный в ряде источников (в том числе в «Метаморфозах» Овидия, кн. 11, строки 100 – 145), как он, вернув Дионису отставшего пьяного Силена, попросил исполнить его желание все превращать в золото путем прикосновения, от чего, по совету все того же Диониса, смог спастись, только омывшись в лидийской реке Пактол, которая после этого стала золотоносной. Ее название многократно использовалась как в мировой поэзии, так и в творчестве Иванова (напр., в стихотворении «Сад роз», II, 364) в качестве антономасии золота, а также изобилия и богатства.

С первого выступления своего выделяются они своеобразною манерой творчества. ~ *Обратить эту манеру в стиль таким лирикам редко удается* – предвосхищение основной концептуальной триады статьи Иванова «Манера, лицо и стиль» (Труды и дни. 1912. № 4/5).

«Я не знаю мудрости, годной для других» — первая строка из одноименного стихотворения Бальмонта (Только любовь. Семицветник. М., 1903. С. 48).

Не таков был Пушкин; эхом был он не только по всеотзывчивости, но и по безусловной верности и чистоте отдаваемых им звуков мира. – аллюзия на строки из стихотворения Пушкина «Эхо» (1831): «Ты внимлешь грохоту громов, / И гласу бури и валов, / И крику сельских пастухов — / И плешь ответ». Возможно, Иванов также здесь имеет в виду и известное умозаключение Ф. М. Достоевского из пушкинской речи (1880): «Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984. С. 145).

«Аполлон потребует поэта к священной жертве» — аллюзия на первые строки стихотворения А. Пушкина «Поэт» (1827): «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон...».

«Гордись — поэт: и для тебя закона нет» — сокращенная цитата двух стихов из строфы XV поэмы Пушкина «Езерский» (1832), в той редакции текста, которая была широко известна после опубликования поэмы П.О. Морозовым в собрании сочинений, под названием «Родословная моего героя» (строфа XI): «Затем, что ветру и орлу / И сердцу девы нет закона. / Гордись! таков и ты, поэт, / И для тебя закона нет» (Сочинения А.С. Пушкина / Под ред. и с объяснит. примеч. П.О. Морозова. Т. III: Поэмы и драматические произведения (1825–1833). СПб., 1887. С. 556 – *Комм.*); это собрание было в библиотеке Иванова (см.: *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2002. [Т.] XXI, 2. P. 295, № 658).

«приходят обреченные лирики в мир, чтоб «видеть солнце» — аллюзия на первую строку Бальмонта: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...» (Будем, как Солнце. М., 1903. С. 1).

«проклятый поэт проклят ~ людской свет» — имеется в виду стихотворение Бодлера «Благословление» из сборника «Цветы зла» (русский перевод Элліса см.: Шарль Бодлер. Цветы зла. М., 1970. С. 15).

невучее чудовище — образ из цикла Бальмонта «В душах есть все» (1899) из сборника «Горящие здания» (М., 1900. С. 74–75).

«В безмолвии садов ~ колеблется и дремлет» — первые четыре строки восьмистишия А.С. Пушкина «Соловей и роза» (1827).

Не даром, в греческом мифе, Аполлон так часто влюбляется, а любимая, преследуемая нимфа уклоняется, убегает, или изменяет светоносному тирану. — Имеются в виду неудачные ухаживания Аполлона за Дафной, которая предпочла превратиться в лавр, основная версия изложена в «Метаморфозах» Овидия (1, 452–467).

«Полночь и свет знают свой час ~ В сердце моем полночи нет» — первая строфа стихотворения «Полночь и Свет», пунктуационные различия (Горящие здания. Лирика современной души. М., 1900. С. [8]).

«Душа моя озарена... Что солнце холодит» — первая строфа и две строки следующей строфы стихотворения Бальмонта «Лунная соната» (Только любовь. С. 72).

«Если ключ поет ~ больше никогда» — цитата из стихотворения Бальмонта «Все равно мне, человек плох или хорош...» (Будем, как Солнце. С. 70).

ослепительное сверкание огненных спиц солнечного колеса, на котором распят поэт-Иксион. — Имеется в виду фессалийский царь, один из четырех великих грешников вместе с Танталом, Сизифом и Титием, прикованный к вращающемуся огненному колесу (Пиндар, «Пифийская ода», 2, 21–22 и др.).

«Я возглас боли, я крик тоски» — первая строка стихотворения «Возглас боли» (Птицы в воздухе. Строки напевные. СПб., 1908. С. 166).

«Если в небе света нет ~ заметая след» — предыдущее по отношению к процитированному выше двестише из стихотворения «Все равно мне, человек плох или хорош...».

«Свет — я; когда б я был ночь!... Так пел Заратустра» — цитата с многочисленными необозначенными в тексте купюрами из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (часть II, раздел «Ночная песнь») в переводе Иванова (*Nietzsche F. Werke. Leipzig, 1904. Bd. VI. Also sprach Zarathustra. S. 153 – 155; ср.: Ницше Ф. Собрание сочинений. М., 1903. Т. 1. Так говорил Заратустра. С. 87–88*). В 1904 г. Брюсов привлек Иванова к изданию полного собрания сочинений Ницше, которое планировалось в издательстве «Скорпион», но не получило своего осуществления (см.: ЛН. Т. 85. С. 441—445, Иванов взялся переводить «Рождение трагедии»). Идея Ницше, как она выразилась в приведенном отрывке, не раз привлекала Иванова (см. стихотворение «Хвала Солнцу»; II, 230), в частности, по его позднему признанию, послужила базисом для трагедии «Тантал»: «<...> я развил, хоть это отнюдь не беда, идею Ницше о трагедии Солнца: всеозаряющее и само слепое, вседающее и само не могущее брать), и Андрей Белый был прав, когда при разборе меня взял исходным и центральным пунктом “Тантала”» (*Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 28*). Часть этого же фрагмента Иванов цитирует в оригинале в примеч. к статье «Спорады» («О любви дерзающей». См.: Иванов-И, 243).

«зажигать — и в то же время самому светло сверкать» — цитата из стихотворения Бальмонта «Мудрость сердца», в оригинале без тире (*Бальмонт К.Д. Будем как Солнце: Книга Символов. М., 1903. С. 114*).

«Свой мозг пронзил я солнечным лучом ~ Я царствую. Блаженствую. Горю». — Стихотворение имеет заглавие «Солнечный луч» (Только любовь. С. 13, строфические и пунктуационные разночтения, напр., в тексте Бальмонта нет ни одного восклицательного знака).

Поистине, родятся поэты! – Имеется в виду крылатое выражение, которое является второй частью афоризма из «Речи в защиту Архия» Цицерона (8. 18) «*Oratores fiunt, poëtae nascuntur*» («Ораторами становятся, поэтами рождаются»), подробнее см. в комм. к «Спорадам»; *Иванов В.И. Собр. соч. Т. I: По Звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. II. С. 430*.

«*И из глубины ~ чуждой темницы*» — ближайший подтекст стихотворения Бальмонта «Глаза» (Будем, как Солнце. С. 77), более далекими следует считать стихотворения «Звездный хоровод» и «Зыби зрачков» (Только любовь. С. 23 и 24).

«*я не знаю мудрости, годной для других*» — первая строка одноименного стихотворения (Только любовь. С. 48).

«*апофеоз башни с цветными окнами*» — аллюзия на стихотворение «В башне» (Горящие здания. С. 110).

«*в многоцветных отблесках брызг я вижу подобие жизни*» (*Гете, во 2-ой части «Фауста»*) – неточная цитата из второй части «Фауста» Гете (акт 1, сцена «Живописная местность», строка 4627): «*Am farbigen Abglanz haben wir das Leben*».

«*Изменчивым, но постоянным*» назвал себя однажды Бальмонт — источник цитаты не установлен, ср.: «Мой дух изменчивый стремится каждый миг...» из стихотворения «Сквозь мир случайностей, к живому роднику...» (Горящие здания. С.

[93]).

«*Excelsior*» – вперед и выше (лат.)

«*горные вершины*» — название сборника критических статей Бальмонта (М., 1904).

«*памятник прочнее меди прочной*» — цитата в собственном вольном переводе из так называемой «Оде к Мельпомене» Горация (*Carmina*, III, 30): «*monumentum aere perennius*» (букв. «памятник прочный из воздуха», лат.). Поскольку памятники сооружались из меди, в русской переводческой традиции закрепилось сравнение его с медью (а также с бронзой и просто металлом).

Один поэт из Бальмонтовых товарищей ~ Душу века заветную сказала — латинское стихотворение, написанное фалекием Катулла (отмечено в: *Ермакова Л. Л., Лаппо-Данилевский К. Ю. Иванов, Вячеслав Иванович // Словарь петербургских антиковедов XIX – начала XX века: В 3-х томах. СПб., 2021. Т. 1. С. 303*), принадлежит самому Иванову, под названием «*Sole sato s.<alutem [dico]>*» («Солнцем рожденному [говорю] привет», лат., второе слово иногда опускалось, ср.: *Cicero Attico s.; Calius Cicegoni s.* и т.п.) вошло в сборник «Прозрачность» (I, 777, разбор текста и его откликов в творчестве Иванова см.: *Кузнецова О.А. Ритуал увенчания Константина Бальмонта в творческих и житнетворческих сюжетах Вяч. Иванова // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Константин Бальмонт (1867–1942) / Отв. ред. Г.В. Петрова. М.: Азбуковник, 2018. С. 337–338, 342, 344*). Беловой автограф (чернила, правка карандашом) перевода этого же текста прозой, графически оформленной как стихотворение, приложен к рукописи статьи Ал. Н. Чеботаревской «Поэт настроений (по поводу сборников стихотворений К. Д. Бальмонта)»:

Сыну Солнца
привет.

Кому несу пальму и священный лавр?
Бальмонт, тебе! Зато, что зачатое
тобою песнопение – сладкое, дышит; и Муза,
на бесчисленные новые лады и ритмы
[разыгрывая] модулируя вдохновенную божественным
безумием песнь, околдовала ими
современников и, бродячая, вы –
сказала сокровенные приветствия века.

(ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 99). Судя по тому, что последним из цитируемых в статье Чеботаревской сборников Бальмонта является «Будем, как Солнце», она создавалась в 1903 – 1904 гг. Возможно, именно о ней идет речь в письме критика к Иванову от 5 января 1904 г.: «как назвать очерк о Бальм<онте> – “Б<альмонт> и его лирика”?» (цит. по: *Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // ЕРОПД на 1997 год. СПб., 2002. С. 244, см. также комм. на стр. 252*). Добавим, что сборник «Прозрачность» создавался с непосредственной помощью Чеботаревской, см. в ее устных воспоминаниях: «Я поехала в [Шатлен] гостить к В. И. <...> Это именно в то время писалась “Прозрачность”, она в три недели была готова, вся она “aus einem Gusse” <“из единого куска, цельная”, нем.>, она была мне и продиктована, и мною переписана, и вообще эта книга обязана и мне своим возникновением» (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 100*). Характеризуя в своей статье стихотворение Бальмонта «Два голоса», Чеботаревская использовала знаковое ивановское понятие: «Вот какими

образами и настроениями переполнена, как чаша, молодая душа! Сколько нежности! Какая прозрачность! Сколько обещаний!» (ИРЛИ. Ф. 189. Ед. хр. 9. Л. 6). Таким образом, можно предположить, что первый перевод своего латинского приветствия Иванов осуществил в то же время и подарил своему другу и помощнице.

его стих, певучий и «перепевный» – выражение восходит к строке «Когда в душе, как перепевный стих» из стихотворения Бальмонта «У ног твоих я понял в первый раз...» (Будем, как Солнце. С. 163).

«вертоград зеленый» — «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные», название поэтического сборника Бальмонта (М., 1909), который упоминается также в сонете Иванова «К. Бальмонту» (II, 352; *СА II*, с. 171).

К. Д. Бальмонт

Преамбула и комментарий Г.В. Обатнина

Впервые: Речь. 1912. № 69. 11 марта. С. 3.

Статья, написанная к 25-летию юбилею К. Бальмонта, появилась в день торжества, устроенного Неофилологическим Обществом при СПб. ун-те, где Иванов читал речь «Лиризм Бальмонта». Вместе с последней предполагалась для включения в сборник «Борозды и межи» (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 203. Л. 122), однако не вошла в окончательный состав. Вырезка из «Речи» с исправленным заглавием на «Бальмонт и общество», сохранившаяся в архиве Иванова (РНБ. Ф. 304. Ед. хр. 18), вероятно, является следом этого замысла.

Рукописные источники не выявлены.

Комментарий

«Этот листок, что иссох и свалился, Золотом вечным горит в песнопеньи» — цитата из стихотворения А. Фета «Поэтам» (1890).

восславить каждое движение живой жизни – эту оценку Иванов повторил позднее: «Озираясь на всех своих современников, я не вижу никого, кто мог бы славить еще. Только я да еще Бальмонт славословим. Пусть Бальмонт часто славит не должным образом, но он неустанно и непрерывно всю жизнь славит» (*Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 53*).

каждое биение вольного, гордого, стремительного, пламенеющего сердца – первый том сборника Иванова «*Cor ardens*» («Пламенеющее сердце», *лат.*) вышел в середине мая 1911 года (Книжная летопись. 1911. 14 мая. № 19. С. 7), а второй – почти ровно через год: Книжная летопись. 1912. 5 мая. № 18. С. 10.

«певучая-сила» — цитата из первого стихотворения сборника Бальмонта «Будем, как солнце» (Бальмонт К.Д. Будем как Солнце: Книга Символов. М., 1903. С. 1); «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»).

«что внутри, то и снаружи»... Гете — цитата из стихотворения В.-И. Гёте

«Эпиррема» («Epirrhema» («Müset im Naturbetrachten...»), 1827): «Denn was innen das ist außen» («Потому что то, что внутри, находится снаружи», нем.). Стихотворение впервые появилось в русском переводе Н. Вильям-Вильмонта в 1932 г. в юбилейном собрании сочинений Гете.

Из чего новейшие эстетики пытались вывести понятие «трагедия творчества» - имеется в виду следующее рассуждение Андрея Белого в его брошюре «Трагедия творчества: Достоевский и Толстой» (1911): «Гениально переживаемая жизнь часто оказывается немой жизнью; гениальное переживание может иметь бездарное словесное выражение. Острота и глубина переживания может присутствовать и у бездарного поэта, стихотворения которого летят в корзину во всех редакциях. Более того: углубляемая жизнь чутко слышит несоответствие обычно выражаемых в слове переживаний с самим словом. Когда мы говорим «люблю», сколько оттенков, не имеющих между собой ничего общего, заключает это слово! Обогащаясь внутренней жизнью, мы видим только бледное отражение нашего богатства в слове, гениальность в нас проявляется лишь в том, что она питается «ключами жизни» без возможности заключить эти ключи в мраморную оправу словесной формы; а без этой оправы в словах загрязняются ключи жизни. Тут Тютчев прав:

Взрывая, возмутишь ключи;
Питайся ими – и молчи.

Тут – «мысль изреченная» есть только ложь» (*Андрей Белый*. Трагедия творчества: Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911. С. 38–39).

ведь еще Тютчев жаловался на ложь «изреченной мысли» — имеется в виду ставшая крылатым выражением строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium» (1829): «Мысль изреченная есть ложь».

«Слова поэта суть дела его» — говорил Пушкин — ставшие крылатым выражением слова Пушкина после прочтения оды Державина Хемницеру в передаче Н.В. Гоголя в ст. «О том, что такое слово: (Письмо к Л**» (1844) из «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела».

«Из их совокупной деятельности — по словам Грановского... принадлежат Богу» — неточная цитата (пунктуационные и лексические разночтения) из финала сочинения Т. Н. Грановского «Четыре исторических характеристики. Чтение третье. Лудовик IX» (Сочинения Т. Н. Грановского. М., 1892. Ч. I. С. 389).

По выходе книги «Будем как солнце» Валерий Брюсов так определял значение Бальмонта ~ Но чтобы отдаваться каждому мгновению, надо любить их все» — компиляция цитат (с пунктуационными разночтениями) из первых четырех абзацев рецензии Брюсова на «Будем, как Солнце» (первая публикация: Мир искусства. 1903. № 7–8, см.: Далекое и близкое: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: «Скорпион», 1912. С. 73–74). Оттиск статьи по ее выходе Брюсов прислал Иванову, который в ответ писал в письме от 12.X/29. IX. 1903 г.: «Благодарю вас за оттиск вашей прекрасной статьи, именно близкой мне — до встреч мысли в отдельных частностях. Не во всем, впрочем, я с вами согласен. Так, например, я ставлю Бальмонта выше Фета, невозможным считаю сравнение его с Тютчевым (как величиной другого порядка и не лермонтовской филиации), а стих Бальмонта: „предо мною другие поэты — предтечи“ — звучит для меня как богохуление. Не правы вы, на мой взгляд, и в оценке бальмонтовских rythmes brisés: сошлюсь на чудесную ритмику ”Старого дома“ — этой

гениальной вещи. Кажется мне, что стих и стиль Бальмонта в последних произведениях сгущается и консолидируется, приобретает более насыщенный колорит – и что наш поэт далеко не исполнил еще своих граней. Но его четыре стихии хорошо определены, – хотя и не родственны ему им любимые Кальдерон, По и Бодлер» (ЛН. Т. 85. С. 438). Но когда писалась статья, под рукой у Иванова был также вышедший в октябре 1911 г. (Книжная летопись. 1911. 29 октября. № 43. С. 2) и подаренный автором сборник критических статей В. Брюсова «Далекие и близкие», где рецензия была перепечатана (см. в письме Иванова от 6 марта 1912 г.: «Благодарю тебя за «Далеких и близких», за твои страницы обо мне <...>» — ЛН. Т. 85. С. 535, а также: *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова. С. 321).

«весть миру» — аллюзия на последнюю строку стихотворения В. Брюсова «In hac lacrimarum valle» (1902): «Не знаю сам какая, и всё ж я миру весть!».

Но если это — эпикурейство, то оно вышло из своих уединенных садов, откуда, издали, привыкло бездейственно и безучастно любоваться явлениями жизни... — ср. в статье «Древний ужас», где отсылка к запомнившемуся образу из фрагмента «Веселой науки» Ницше под названием «Эпикур» не была завуалированной: «Эпикурейство сравнивает Ницше с вечерним созерцанием ясной морской глади из-под меланхолических кущ укромного сада» (*Иванов В.И.* Собр. соч. Т. I: По Звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. СПб., 2018. Кн. I. С. 259; см. также комментарий: Там же. Кн. II. С. 489). Ср. также заглавие книги философских эссе, афоризмов и диалогов А. Франса «Le jardin d'Épicure» (1895, рус. пер.: М., 1907).

Лукрецийев человек ~ смертельное брение — намек на первые четыре строки второй книги поэмы Лукреция «О природе вещей»: «Сладко, когда на поверхности моря, взволнованной ветром, / С берега ты наблюдаешь большую опасность другого; / Не потому, что чужая беда тебя радует сильно, / А потому, что приятно себя вне опасности видеть» (Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Ивана Рачинского. М., 1933. С. 81). Это место Иванов упоминал также в статье «Древний ужас», см. текст и комментарий: *Иванов В.И.* Собр. соч. Т. I. Кн. I. С. 259; Там же. Кн. II. С. 490. Обратим внимание, что обе аллюзии следуют непосредственно одна за другой в том же порядке, как и в статье «Древний ужас».

Красота, спасающая мир — аллюзия на слова князя Мышкина («Идиот». Ч. III. Гл. 5), пересказанные в обращенной к нему реплике Ипполита Терентьева: «Правда, князь, что вы раз говорили, мир спасет „красота“? Господа, — закричал он громко всем, — князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен. {...} Какая красота спасет мир? {...} Вы ревностный христианин? (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 8. Л., 1989. С. 317). Эта формула также упоминается в статье «Древний ужас».

Эстет по Эпикуру становится эротиком по Платону; иллюзионист — реалистом, потому что любовь устремляется только к реальному, обретает его под покровами Майи, узнает свою невесту и под покрывалом. — Здесь нанизано несколько ключевых для мысли Иванова понятий и образов, неоднократно использованных в других его работах. *Эстет по Эпикуру* отсылает к образу созерцателя, который Иванов позаимствовал у Ницше (см. комм. выше), а *эротик* — к понятию Эроса как желания (алкания) красоты в диалоге Платон «Пир»; иллюзионист и реалист, по интерпретации поэта в статье «Две стихии в современном символизме», представляют собой два типа

символизма и соответственно художников, причем синонимом иллюзионизма является идеализм («Пафос идеалистического символизма — иллюзионизм». — *Иванов В.И.* Собр. соч. Т. I. Кн. I. С. 183, в ст. «Ты еси» говорится об «иллюзионизме» и «импрессионизме» как о «специфической художественной секте и школе. — Там же. С. 274). Таким образом, Бальмонт становится «реалистическим символистом», который через свое творчество стремится проникнуть в тайну вещей, а не всего лишь ими любоваться. Это иллюстрируется через понятие майя-иллюзии, к которому прибегали в своих трудах А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, и вслед за ними не раз Иванов. В индуистской философской мысли Майя скрывает суть вещей с помощью покрывала («марева»), и этот образ Иванов соединяет с восходящим к Плутарху образом покрывала «безбрачной девы» Афины (Изиды), который он использовал в ст. «Древний ужас» (Там же. С. 267, ср. также их соседство в ст. «Две стихии в современном символизме»; Там же. С. 183, см. также комм.: Там же. Кн. II. С. 369).

В. Брюсов и развивает далее вышеприведенные положения ~ а не человека, чувство, женщину» — компиляция цитат с пунктуационными разночтениями из рецензии Брюсова на сборник «Будем, как Солнце» (*Брюсов В.* Далекие и близкие. С. 74–76).

...подобно бл. Августину («amans amare») признается... — финальные строки ставшего крылатым выражением признания Бл. Августина о «пагубной страсти преступной любви» в первых строках первой главы из третьей книги «Исповеди»: «Nondum amabam, at amare amabam, quaerebam quid amarem, amans amare» (лат.), см. в пространном русском переводе: «Еще не предавался я этой любви, но она уже гнездилась во мне, и я не любил открытых тому путей. Я искал предметов любви, потому что любил любить; прямой и законный путь любви был мне противен» (Блаженного Августина, Епископа Иппонийского Исповедь (confessions) // Творения Блаженного Августина, Епископа Иппонийского. Киев, 1914. Ч. 1. С. 42).

«что движет солнце и другие звезды» (Данте) — последняя строка «Божественной комедии»: «L'Amór che muove il Sóle e l'altre stéllé», которую поэт не раз использовал в своей прозе и стихах (подр. см. в комм. к статье «Спорады»; *Иванов В.И.* Собр. соч. Т. I. Кн. II. С. 439). С анализа этой строки начинается статья Иванова «Мысли о символизме», опубликованная в первом номере журнала «Труды и дни» за 1912 г.

de profundis — «из глубины» (лат.), начало покаянного псалма (129: 1): «De profundis clamavi ad te, Domine» («из глубины взываю к тебе, Господи»). Каламбурно обыгрывается в названии стихотворного цикла Иванова «De profundis amavi» («Из глубины возлюбил»), 1920.

кричал нам: «будем как солнце!» — название сборника Бальмонта (1903)

«И это сделала — любовь» («Und das hat die Liebe gethan»)... — припев из пьесы для голоса и фортепиано (Op. 182), составивший ее название, немецкого композитора и известного сочинителя фортепианных упражнений Вильгельма Поппа (Poppe, 1828–1903) на слова К. Вайсса (C. Weiss).

Но все обобщения кажутся «седою теориею» перед «золотым деревом жизни», пред живым вселенским древом-Игдразилем — аллюзия на ставшие расхожей цитатой слова Мефистофеля из поэмы Гете «Фауст» (ч. 1, сцена 4): «Grau, teurer Freund, ist alle

Theorie, / Und grün des Lebens goldner Baum» («Сера (седа), мой друг вся теория, и зелено золотое древо жизни», нем.) — *Goethes. Faust* / Herausgegeben von Erich Schmidt. Weimar, 1899. Т. 1. S. 95; ср. в пер. Д.Н. Цертелева: «Теория, мой друг, сера всегда, / Но древо жизни вечно зеленеет» — Фауст. Трагедия Гёте (Часть первая). М., 1901. С. 79). Иванов сближает древо из этой цитаты с Иггдрасилем, мировым деревом скандинавской мифологии, свойства которого изложены в «Старшей» и «Младшей Эдде». Иггдрасиль (ясень) соединяет небо, землю и подземный мир, и, будучи населенным на всех уровнях богами и животными, определяет жизнь и судьбу и является основой мироздания.

...этот путь ведет по пламеням, по горящим тернам. *Incedit per ignes* — «ступает по огням» (лат.) — видоизмененная цитата из оды Горация (Od. 2.1, 7), обращенной к его другу историку и полководцу Поллиону, где указывается на щекотливость освещения темы недавней гражданской войны: «...incedis per ignis / suppositos cineri doloso», в пер. А.А. Фета: «На почву ты ступил, где пламень затаенный / Прикрыт обманчивой золой».

...тысячеликое утверждение единого начала — Гераклитова огня, который все ведет, как кормчий, и все рассудит, как судия. — Имеется в виду фрагмент 66 древнегреческого философа Гераклита Эфесского (Ἡράκλειτος ὁ Ἐφέσιος, 2-я пол. VI — 1-я пол. V вв. до н. э.), сохранившийся в пересказе епископа и богослова Ипполита Римского (ок. 170 — ок. 235): «Πάντα γάρ, φησί, τὸ πῦρ ἐλεῖθ' ὄν κριεῖ καὶ καταλήψεται» («Ибо все огонь, когда придет, рассудит и возьмет себе» — *Гераклит Эфесский*. Фрагменты. М.: Мусагет, 1910. С. 25, пер. В. Нилендера). Изречение не раз использовалась Ивановым в стихах и прозе, подробнее см. комм. к статье «О веселом ремесле и умном веселии» (Иванов В. И. Собр. соч. Т. I. Кн. II. С. 318–319).

...«сочувствие дается, как нам дается благодать». — Цитата из четверостишия Тютчева «Нам не дано предугадать...» (1869).

Цикл стихов, собранный в книге «Горящие Здания»... — название сборника Бальмонта (М., 1900).

...«слишком ранние предтечи слишком медленной весны». — Две строки из знаменитого стихотворения Д.С. Мережковского «Дети ночи» (1893).

торжествующая земля обратилась в «зеленый вертоград» — здесь: название поэтического сборника Бальмонта «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (М., 1909), который упоминается в сонете Иванова «К. Бальмонту» (II, 352).